

ЭДВАРД СЕНТ-ОБИН

Двойной контроль

Самая ожидаемая книга года
по версии

GUARDIAN

SUNDAY TIMES

FINANCIAL TIMES

NEW STATESMAN

THE TIMES

EVENING STANDARD

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!

18+

Большой роман

Эдвард Сент-Обин
Двойной контроль

«Азбука-Аттикус»

2021

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Сент-Обин Э.

Двойной контроль / Э. Сент-Обин — «Азбука-Аттикус»,
2021 — (Большой роман)

ISBN 978-5-389-20349-5

«Цикл романов о Патрике Мелроузе явился для меня самым потрясающим читательским опытом последнего десятилетия», – писал Майкл Шейбон. Ему вторили такие маститые литераторы, как Дэвид Николс («Романы Эдварда Сент-Обина о Патрике Мелроузе – полный восторг от начала до конца. Читать всем, немедленно!»), Алан Холлингхерст («Эдвард Сент-Обин – вероятно, самый блестящий британский автор своего поколения»), Элис Сиболд («Эдвард Сент-Обин – один из наших величайших стилистов, а его романы о Патрике Мелроузе – шедевр литературы XXI века») и многие другие. Ну а в телесериале «Патрик Мелроуз» главную роль блистательно исполнил Бенедикт Камбербетч. В своем новейшем романе «Двойной контроль» Сент-Обин «с необычайной легкостью затрагивает самые животрепещущие проблемы. Книга пронзает и поражает до глубины души, превращая серьезные темы – нейробиологию, экологию, психоанализ, теологию, онкологию и генетику в увлекательный фейерверк новаторских идей... В своем восхитительном романе Сент-Обин с алмазной остротой обнажает сущность семьи и любви, дружбы и соперничества, амбиций и нравственности» (Air Mail). Перемещаясь из Лондона на французский Лазурный Берег, а из глуши Сассекса в калифорнийский Биг-Сур, герои Сент-Обина исследуют темы свободы и предопределения, загадки жизни и проблемы сознания. При этом Фрэнсис и Оливия без ума влюблены друг в друга, а Люси, старая подруга Оливии, пытается выстроить отношения со своим новым боссом Хантером, виртуозом венчурных инвестиций... «Генри Джеймс, считавший, что романист первым делом обязан заинтересовывать читателя, был бы счастлив познакомиться с Сент-Обином. „Двойной контроль“ – эмоционально убедительный и интеллектуально зачаровывающий роман. Я не мог от него оторваться» (Иэн Макьюэн). Впервые на русском!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-20349-5

© Сент-Обин Э., 2021
© Азбука-Аттикус, 2021

Содержание

Часть первая	10
1	10
2	15
3	19
4	24
5	29
6	34
7	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Эдвард Сент-Обин

Двойной контроль

Роман

Посвящается Саре

Edward St. Aubyn
Double Blind

* * *

Copyright © Edward St. Aubyn 2021
First published by Harvill Secker in 2021
All rights reserved

© А. Питчер, перевод, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021 Издательство ИНОСТРАНКА®

* * *

Генри Джеймс, считавший, что романист первым делом обязан заинтересовывать читателя, был бы счастлив познакомиться с Сент-Обином. «Двойной контроль» – эмоционально убедительный и интеллектуально зачаровывающий роман. В диалогах и размышлениях героев умело отражены пересечения важных аспектов науки с нашими насущными повседневными заботами. Я не мог от него оторваться.

Иэн Макьюэн

Эдвард Сент-Обин – вероятно, самый блестящий британский автор своего поколения.

Алан Холлингхерст

Повествование воистину шекспировского размаха переходит от личного к всеобъемлющему в рамках одного параграфа и включает в себя и трагедию, и комедию, и все человеческие слабости... Начинающий автор вряд ли справился бы с многочисленными нитями повествования, но Сент-Обин умело сплетает их воедино, в замысловатый узор, затрагивая при этом проблемы естествознания, генетики, семейных отношений, философии, психиатрии и экологии, и в итоге сводит все к закономерному финалу. Энергичный, жизнеутверждающий роман задается сложными вопросами – например, «Можно ли полностью осознать чужую субъективность?» – но не дает на них однозначных ответов. Стремительное и ироничное изложение прекрасно продуманных тем и идей полностью поглощает читателя.

Prospect

Уникальная и совершенно неожиданная комбинация едкой трагикомедии с философской глубиной. Сент-Обин сочетает остроумие Уайльда, легкость Вудхауза и язвительность Ивлиана Во.

Зэди Смит

Роман с большим сердцем... «Двойной контроль», написанный умно и прочувствованно, подтверждает, что Сент-Обина по праву считают одной из ярких звезд на небосклоне современной британской литературы.

Spectator

Юмор, патетика, пронизательные наблюдения, боль, радость и все, что угодно, между – полный спектр. Эдвард Сент-Обин – один из наших величайших стилистов...

Элис Сиболд

Опыт чтения Сент-Обина поистине незабываем.

Джонатан Франзен

Привлекательные, четко выписанные герои на празднике жизни; живописные картины возрожденной природы; трогательный рассказ о непростой любви... Сент-Обин демонстрирует удивительные грани своего писательского мастерства; его преображение невероятно. Если раньше он блестяще писал о «суровой правде» своего детства, то сейчас затрагивает более сложные темы.

Sunday Times

Остроумие высшей пробы... Возможно, само качество прозы – ее виртуозная экономность и моральная уверенность – символизирует ту надежду на исцеление, которую питают персонажи.

Эдмунд Уайт (Guardian)

В своих предыдущих книгах Сент-Обин избегал сопереживания своим героям либо тщательно его скрывал, но оно явственно присутствует в «Двойном контроле». Несмотря на саркастическую манеру повествования, автор сочувствует страданиям персонажей, вне зависимости от их положения в обществе... Все, кто знаком с предыдущими романами Сент-Обина, без труда узнают его фирменное изящество стиля и элегантность изложения. Выдержанная, размеренная проза настолько затягивает читателя, что невольно перестаешь замечать изощренные стилистические приемы... «Двойной контроль» – еще один впечатляющий роман, вышедший из-под пера признанного мастера стиля.

Irish Independent

Сент-Обин не боится и не ленится разбирать внутреннюю жизнь своих героев во всех подробностях.

Лев Гроссман (Time)

Это один из лучших романов идей – одновременно и занимательный, и глубокомысленный, в котором каждое предложение доставляет огромное удовольствие.

Daily Mail

Сент-Обин не утратил своего умения создавать правдоподобных персонажей... остроумные диалоги не хуже, чем в книгах о Патрике Мелроузе.
Daily Telegraph

Патрик Мелроуз травмирован насилием и жестокостью в детстве, а Фрэнсиса травмирует насилие над планетой, и исцелить его может лишь глубинная связь с природой... Сент-Обин написал смелый роман о науке и о крайностях науки... сейчас очень важны не только идеи, но и роман идей.
Guardian Book of the Week

«Двойной контроль» представляет интерес еще и потому, что Сент-Обин очень взыскателен и точен. Он серьезно рассматривает все темы, затронутые в романе, концентрирует их и тщательно перетасовывает... Иэн Макьюэн – не единственный писатель, который не боится серьезного повествования о науке и технологии.
The New York Times

Сент-Обин с необычайной легкостью затрагивает самые животрепещущие проблемы. «Двойной контроль» пронзает и поражает до глубины души, превращая серьезные темы – нейробиологию, экологию, психоанализ, теологию, онкологию и генетику – в увлекательный фейерверк новаторских идей... В своем восхитительном романе Сент-Обин с алмазной остротой обнажает сущность семьи и любви, дружбы и соперничества, амбиций и нравственности.
Air Mail

Читая Эдварда Сент-Обина, я не могу удержаться от восхищения его писательским мастерством и виртуозностью его предложений... Как возникает сознание; что говорит генетика о нашем существовании; несбыточность недавних утопических надежд на то, что генетика способна предоставить любые объяснения, – все это так же живо изображено в романе идей, как и глубоко прочувствованная и трогательная история любви и привязанности.
Адам Гопник (The New Yorker)

Бесшабашный рассказ о любви и науке в мире, враждебном и тому и другому... Несколько сумбурный, но очень смешной.
Scientific American

Сент-Обин не только населяет свой замечательный роман правдоподобными героями, но и с привычным изяществом повествования рассуждает об эпигенетике, возрождении природы, нейробиологии, искусстве и философии, описывая кардинальные изменения в жизни трех друзей – Фрэнсиса, Оливии и Люси... Сент-Обин легко и свободно обсуждает неоднозначные представления о разуме и его преломлениях. Книга заслуживает внимания.
Publishers Weekly

Искусный, тщательно проработанный сюжет... Роман отличается интеллектуальной глубиной, сходной с книгами Ричарда Пауэрса, но подает ее в юмористическом ключе... Сент-Обин исследует человеческие слабости и бесстрашно затрагивает серьезные темы психического здоровья и психических

расстройств... Эта прекрасно написанная книга заставляет о многом задуматься.

Kirkus Reviews

«Двойной контроль» – глубокомысленный роман, в котором герои экспериментируют с медициной, психологией, наркотиками, религией и медитацией, чтобы разобраться в себе и примириться с собой. Несмотря на кажущуюся заумность, книга получилась проникновенной, потому что Сент-Обин не один десяток лет размышляет над затронутыми темами.

Guardian

По накалу естественной, ни капли не натужной трагикомичности Сент-Обин не уступает Ивлину Во...

The Boston Globe

У себя на родине статус у Сент-Обина особый: он является признанным мастером пера, одним из самых блестящих знатоков английского языка, обладающим безупречным вкусом и чувством слова. По сути, Сент-Обин создал полноценную семейную хронику, адаптировав ее к нынешнему ритму жизни. Остроумие Сент-Обина во многом родственно уайльдовскому, если рассматривать письменное наследие последнего во всей совокупности – блестящего жизнелюбия молодости и горького трагизма последних лет. Влияние Вудхауза (или же просто культурное родство), несомненно, присутствует. Если же говорить о язвительности и сарказме Ивлина Во – это тот спасительный круг, являющийся настройкой по умолчанию британского менталитета и культуры...

Российская газета

Часть первая

1

Фрэнсис углубился в заросли ивняка, что раскинулись на участке рядом с домом, то отводя в стороны гибкие ветви, то проскальзывая между ними. Когда осклизлая, раскисшая тропка сменилась твердой почвой между деревьев, он зашагал увереннее и теперь замечал и октябрьский воздух, уже студеной, но все еще ласковый; и ароматы растущих грибов и напитанного влагой мха; и багряную дерзость, и желтую апатию палой листвы; и ворон, хрипло каркавших на соседских полях. Жизнь вокруг него и жизнь внутри его смешивались друг с другом, сливались то в путанице ощущений – когда он касался ветки, ветка касалась его, – то в сравнениях и уподоблениях, то, на самом краешке сознания, как лабиринт подземных ручьев или светлая сеть корней под ногами, предполагаемая, но невидимая. Это расплывчатое взаимослияние жизни, с трудом удерживаемое разумом, было основополагающим фоном для всех четко очерченных частностей, которые пытались монополизировать внимание, вот как малиновка, которая на миг опустилась на ветку перед Фрэнсисом, заставив невольно повторить крошечные резкие движения ее шеи и пригласив следовать за извилистыми петлями бреющего полета среди деревьев, шорохом возвещая о своем продвижении. Всякая форма жизни приносила в мир свои впечатления, иногда тесно сплетенные с другими, как кокон ириды-радужницы, который прошлым маем Фрэнсис заметил на одной из ивовых ветвей, иногда мельком проникающие друг в друга, как эта малиновка, которая только что присела на такую же ветку, а иногда совершенно изолированные, как колония бактерий, скрытая на антарктической скале, но все же занимающая свою нишу среди гулко свистящих ветров и вечных морозов.

К обеду в гости к Фрэнсису впервые должна была приехать Оливия. Ее визит был весьма смелым шагом для людей, мало знающих друг друга, но ни ему, ни ей не хотелось завершить прошлые выходные невнятными обещаниями о встрече в будущем, когда энтузиазм истощится, а застенчивость возрастет. На конференции в Оксфорде, еще до того, как их познакомили, между ними возникло некое подспудное взаимное влечение, ощущение не столько открытия, сколько узнавания. Оливия была очень хорошенькой брюнеткой, и ее каштановые волосы выгодно оттеняли бледно-голубые глаза, но Фрэнсиса в первую очередь привлекла ясность ее взора. Он сразу осознал, что она не просто смотрит в глаза собеседнику, как и произошло при их первой встрече, даже после того, как угаснут вежливые улыбки, обязательные при знакомстве, но не отведет взгляда ни в замешательстве, ни в смущении. Моральный соблазн такого рода делал ее физическую привлекательность неотразимой. Они провели вместе всего одну ночь, в которой, однако же, сквозила робкая напряженность влюбленности, а не искусная раскованность гедонизма.

Любопытно, как Оливия воспримет такую прогулку? Ощутит ли себя, как и он, частью паутины жизни? Фрэнсиса очень интересовало, как изучение биологии повлияло на отношение Оливии к природе. Изучение биологии предполагает убийство живых организмов, во время или после проведения соответствующих экспериментов, а следовательно, требует некоторого отмежевания от природы. «Изучаемым организмам», будь то дрозофила, мышь, собака, крыса, кошка, макака-резус или шимпанзе, не уготовано ничего хорошего. Сам он, будучи студентом, провел множество опытов – вивисекций, препарирований, намеренных заражений – на лабораторных животных, что в конце концов и заставило его обратиться к изучению ботаники. Ради чего каждому поколению студентов биологического факультета приходится ампутировать ноги лягушкам и рассматривать бьющиеся сердца распятых млекопитающих, будто их готовят к вступлению в банду злодеев, куда принимают лишь тех, кто совершил бессмысленное

убийство? Бросив вызов этой традиции, он обнаружил у Витгенштейна любопытную цитату, не особо примечательную, но в то время весьма подходящую, поскольку она оправдывала его недоверие к существующим методам обучения. «Физиологическая жизнь – это, конечно, не „жизнь“. Не является таковой и психологическая жизнь. Жизнь – это Мир»¹. Что ж, смертоносного биолога из него не вышло, зато он остался натуралистом, пытаясь как можно глубже проникнуться смыслом последнего из этих трех коротких предложений. Натуралист – вполне почтенная профессия; в конце концов, до появления неodarвинизма существовал дарвинизм, а до дарвинизма – Дарвин, который писал о земляных червях, вел тщательные наблюдения за живыми существами, вступал в общества любителей голубей, занимался садоводством и переписывался с другими натуралистами, не называя их исследования бессистемными или выборочными.

Фрэнсис остановился. За восемь лет, проведенных в Хоуорте, он изучил грибы, растущие в здешних угодьях, и знал, в каких лесах можно собрать гигантские дождевики или белые грибы на обед, а на каких лугах и пастбищах растут скромные хрупкие веселушки, скрывающиеся в своих тонких шляпках псилоцибин, будто драгоценности в отрепьях беженца. А сейчас он едва не наступил на лисичку. Все это свидетельствовало о присутствии обширной микоризы, симбиотической ассоциации мицелия гриба с древесными корнями для лучшего усвоения питательных веществ из почвы. В некоторых экосистемах питательные вещества передаются от здоровых растений к чахнувшим, но, как правило, формирование микоризы занимает значительное время. Фрэнсиса очень радовало, что эксперимент по восстановлению дикой природы приносит плоды. Десять лет назад владельцы поместья заметили, что древние дубы в Хоуорте начали засыхать, их кроны утратили пышность, а засохшие сучья торчали из листвы, как рога. Приглашенный специалист объяснил, что дубы умирают, поскольку пахота повреждает их корневую систему в почве, и без того отравленной пестицидами и химическими удобрениями. Деревья, пережившие века кораблестроения, промышленную революцию и Вторую мировую войну, не выдержали сельскохозяйственных нововведений. Джордж и Эмма, владельцы поместья Хоуорт, решили отказаться от интенсивных методов ведения сельского хозяйства и начать планомерное восстановление угодий. Там, где еще недавно колосились пшеничные нивы, теперь бродили благородные олени и лани, свиньи темворской породы, английские лонгхорны и табун эксмурских пони, заменившие животных, которые некогда обитали в Британии, – туров, лесных тарпанов и диких кабанов, а сам ландшафт постепенно превращался в некое подобие английской саванны: луга, поросшие кустарником и купами деревьев.

В обязанности Фрэнсиса, который приехал в Хоуорт спустя два года после начала эксперимента, входило наблюдение за «одичанием» флоры и фауны поместья, а также проведение экскурсий для посетителей. Теперь он жил среди изобилия природных богатств, соловьев и горлиц, там, где спасали от исчезновения редкие виды и приумножали ценные научные наблюдения. К примеру, кокон ириды-радужницы, замеченный Фрэнсисом на ветвях ивы посреди луга, противоречил общепринятому мнению, что радужницы – лесные бабочки. Сельское хозяйство уничтожило отдельно стоящие купы деревьев прежде, чем сведения об их экосистемах были зафиксированы в специальной литературе. До начала эксперимента в поместье был один-единственный пруд, не слишком загрязненный нитратами, где прозябала редкая болотная турча. Теперь же турча распространилась и по другим водоемам, от которых лучами тянулись небольшие канавки, намытые дождевой водой. Иногда, поздней весной, когда канавки еще не пересохли, у водоемов собирались целые стада животных, будто в Африке, а не в Англии, – олени и рогатый скот приходили на водопой, в прудах плавали стайки уток и камышниц, над водой носились ласточки и стрекозы, а с неба лились звонкие песни жаворонков, перекрывая птичий гомон в камышах.

¹ Людвиг Витгенштейн. Дневники, 1914–1916 гг. (перев. В. Суровцева).

Равнины Хоурта, с их глиноземными почвами, в одном из самых густонаселенных регионов страны, весьма отличались от сомersetширской деревни, где вырос Фрэнсис, на окраине заповедника Кванток-Хиллс, первым в Англии получившего статус особо охраняемой природной территории. В деревне стоял дом, в котором некогда жил Кольридж. В тридцати милях оттуда, в Эксмуре, на ферме Эш, поэт начал сочинять поэму «Кубла-хан», но ему помешал некий «человек из Порлока» – прибрежного поселка, куда Фрэнсиса часто привозили в детстве, и там он всякий раз долго и безуспешно выискивал того, кто посмел нарушить покой бедного Кольриджа. Отец Фрэнсиса мечтал стать ветеринаром, но ему не хватило денег завершить образование, поэтому он устроился на службу в тонтонское отделение банка «Ллойдс», то самое, где брали ссуды родители отца, хозяева небольшой молочной фермы. Предполагалось, что работа в банке – временная мера, но ипотечный кредит и рождение ребенка так и не позволили отцу Фрэнсиса посвятить себя любимому делу, и он остался банковским служащим, выдававшим сельскохозяйственные ссуды, что хотя бы позволяло ему ездить по окрестным фермам и общаться с клиентами, ценившими его живой интерес и пристальное внимание, которые он проявлял к их стадам.

В отчем доме Фрэнсиса было много животных: невероятно умная овчарка по имени Бальтазар, аквариум с тропическими рыбками, медлительная черепаха в саду и нервный кролик-альбинос по кличке Альфонсо, который трагически погиб, когда прогрыз оболочку электропровода. Поскольку овец поблизости не было, Бальтазар оттачивал умения и навыки пастушьей собаки на курах, которых разводила мать Фрэнсиса, так что ей пришлось просить мужа отгородить птицам загон. Фрэнсису тогда было всего шесть лет, но ему позволили принять в этом участие.

Отец с несвойственным ему жаром схватился за молоток, чем немало напугал Фрэнсиса, но после нескольких яростных ударов извинился и объяснил, что семье его давних знакомых пришлось отдать банку свою ферму, чтобы расплатиться с долгами. Фермеры изо всех сил боролись за свое хозяйство, и отцу было очень неловко, что он не смог им помочь.

– Давай-ка измерим длину ограды, – сказал он, немного успокоившись. – А ты, сынок, поможешь мне нарезать проволоку.

Воскресным вечером строительство завершилось: сверкающая проволока, протянутая в три ряда между шестью ивовыми кольями, отгораживала дальний конец сада. Поначалу новенькая ограда слишком бросалась в глаза, но весной голые колья, вроде бы из выдержанной древесины, внезапно пробудились к жизни, выпустили молодые побеги и превратились в ивы. Фрэнсис на всю жизнь остался впечатлен своим ранним знакомством с чудом возрождения, и теперь в его воображении хоуртский ландшафт сливался со знакомыми с детства пейзажами, а общность возрождающих сил природы нивелировала различия между родными пенатами и новым местом жительства.

Фрэнсис и Оливия принадлежали к поколению, считавшему, что родилось на планете, необратимо искаленной людской алчностью и невежеством. Предыдущие поколения тревожились о ядерной войне, но Фрэнсис, которому исполнилось пять лет в тот год, когда пала Берлинская стена, полагал, что уничтожить биосферу куда легче обычной практикой ведения дел, а не военными действиями. На конференции о мегафауне они с Оливией разговорились, возможно уже возбужденные встречей, однако пока не решаясь признать это вслух, и Фрэнсис заметил, что оба со странным увлечением, словно бы наперегонки, готовы обсуждать неминуемую гибель природы. Оба склонялись к мнению, что, вероятнее всего, эпоха антропоцена завершится не триумфальной победой ее главного движителя, а его тотальным поражением; точнее, победа и поражение станут неотъемлемыми частями одного и того же события, по аналогии с тем, как гордые владельцы разрежут алую ленточку у дверей новехонького небоскреба, который тут же рухнет и похоронит их под лавиной обломков. Фрэнсис признался Оливии, что в юности мысли о грядущей экологической катастрофе ввергали его в глубокую депрессию и

приводили в отчаяние. Когда он узнал, что закисление океанов, вызванное попаданием в воду углекислого газа из атмосферы, приведет к исчезновению тридцати процентов морской флоры и фауны, масштаб кризиса заставил его содрогнуться от ужаса и соразмерного с ним ощущения собственного бессилия. Он считал, что если каждый солдат, погибший на войне, заслуживает, чтобы его имя высекли на памятнике, то подобного же заслуживает и каждый вид животных или растений, исчезнувший в результате невозбранного истребления или уничтожения его местообитания. Обязательный торжественный визит в Мемориальный зал исчезнувших видов стал бы достойным завершением всякого посещения зоопарка, куда приходят полюбоваться редкими животными, томящимися в неволе. К двадцати годам Фрэнсис, пытаясь перебороть гнетущий страх перед неминуемой катастрофой, нашел себе отдушину, примкнув к активистам экологического движения, и даже принимал участие в секретных операциях – например, под покровом ночи выпускал бобров в реки Девона. К сожалению, воодушевление, испытываемое в обществе единомышленников, зачастую сменялось озлоблением на все остальное человечество, на этих «зомби-потребителей», для которых природа – всего лишь очередное развлечение, добродетельная замена сидению перед телевизором в погожий денек. Насколько было известно Фрэнсису, проблемы экологии вызвали экзистенциальную тревогу почти у всех, но большинство не имело понятия, как с ними бороться, разве что целыми днями набивать себе брюхо, чтобы потом аккуратно рассортировать образовавшийся мусор и пищевые отходы по предназначенным для этого мешкам.

Когда Фрэнсис переехал в Хоурт для участия в проекте восстановления дикой природы, он осознал, что происходящие вокруг преобразования преобразовывают и его самого. Проекты планомерного одичания ландшафта утратили свою парадоксальность в эпоху антропоцена, когда человечество, отринув естественные ритмы существования, заставило окружающую среду имитировать излюбленные поведенческие сценарии *Homo sapiens*. Дикая природа, изгнанная из рая, нашла спасение в государственных заповедных и природоохранных зонах. Было слишком поздно предоставлять природе самой себе, но от чрезмерной эксплуатации ее можно было уберечь юридическими способами, которые превращали ее из «объекта коммунального назначения» в «особо охраняемые природные территории», как Кванток-Хиллс, тем самым придавая ей нечто вроде гламурного статуса высокого искусства, что в некоторой мере оправдывало ее существование. Потерянный рай, разумеется, был не местом вечной гармонии, а ареной саморегулируемого изобилия и истребления до тех пор, пока разрушительная мощь машин и механизмов не сосредоточилась в руках одного-единственного вида. Странствующие голуби, самый многочисленный вид в Северной Америке, если не в мире, которые еще в 1866 году собирались в стаи четырнадцати миль длиной и в милю шириной, насчитывавшие три с половиной миллиарда особей, к 1914 году вымерли окончательно – и без всяких там астероидов или ледникового периода.

Реинтродукция маккензийского равнинного волка восстановила нарушенное равновесие экологической системы в Йеллоустонском национальном заповеднике: травоядные животные перестали собираться в огромные стада, олени-вапити сменили излюбленные пастбища, что возобновило рост осин и тополей, а также привело к увеличению численности орлов и воронов, питающихся остатками волчьей добычи, и так далее; этот трофический каскад сгладил последствия программ по уничтожению волков, ранее введенных администрацией заповедника. Активисты экологического движения ратовали за реинтродукцию волков и рысей в Шотландии, но столкнулись с отчаянным сопротивлением владельцев крупных животноводческих и охотничьих хозяйств, так что теперь для восстановления лесных массивов и во избежание стравливания пастбищных земель приходится ежегодно проводить плановый отстрел ста тысяч оленей.

Восстановление дикой природы было не фантазией о возвращении к первозданным землям, возрождению вымерших видов и избавлению от дорог и дорожного движения, а попыткой

изучить динамику нетронутого ландшафта и воспроизвести ее в современном мире. Фрэнсис отправился на конференцию, в частности, для того, чтобы ознакомиться с представлениями о том, как экосистемы достигали необходимого баланса в исторической перспективе. Был ли остров Британия сплошь покрыт лесами, прежде чем человек, с его насущными нуждами в топливе, строительных материалах и сельскохозяйственных угодьях, стал здесь доминирующим, или же сама мегафауна нарушала целостность лесного покрова: крупные животные ломали и валили деревья, а животные помельче прогрызали древесную кору и пожирали молодую поросль. Даже замороженный противоречивыми представлениями о величественных древних ландшафтах, Фрэнсис вскоре осознал, что еще больше заморожен Оливией. На второй день конференции они самоустранились из дискуссионной группы, обсуждавшей жизнь гигантских ленивцев и их влияние на окружающую среду до уничтожения палеоиндейцами – которые, с точки зрения гигантских ленивцев, естественно, были кровожадными захватчиками, – и принялись обсуждать свои чувства друг к другу. На следующий день Фрэнсис с облегчением узнал, что в ходе дебатов участники конференции склонились к мнению о древнем ландшафте наподобие того, который складывался сейчас в Хоурте.

Размышления Фрэнсиса прервало частое отрывистое карканье. Он оглянулся и увидел, как с дрожащих ветвей взмыли в небо десятки грачей. Они напомнили ему капли чернил, вылетевшие из падающей авторучки перед выпускным экзаменом в университете. Все происходило словно бы в замедленной съемке, примерно со скоростью грачей, круживших вдалеке, – эффект, вызванный парализующим страхом, что ручка упадет и повредит перо перед самым важным экзаменом в жизни Фрэнсиса. Эта странная, но в то же время глубоко личная ассоциация доказывала, что воображение и память формировали свои собственные связи параллельно экскурсии, которую он мысленно готовил для Оливии.

Ее поезд прибывал через несколько часов, так что пора было возвращаться домой, застелить кровать свежим постельным бельем и отыскать недостающие ингредиенты для ужина. Фрэнсис дошел до грунтовой дороги, по которой когда-то возили овец и скот из Саут-Даунс в Лондон на продажу и на бойни. Сейчас по этой дороге можно было срезать напрямик к дому, а не идти полукругом в обход. Под полуденным солнцем Фрэнсис зашагал быстрее; к предвкушению встречи примешивалась тревога, что он недостаточно знает Оливию, а стресс усугублялся еще и новизной: Оливия впервые приезжала к нему в гости, он впервые готовил для нее ужин, впервые купил бутылку не самого дешевого вина, рекомендованного местным виноторговцем, и все это потенциально грозило обернуться разочарованием. Фрэнсис на миг остановился, отогнал волнение и расхохотался, сообразив, что все складывается прекрасно и что предположениями ничего не исправишь.

2

Люси заняла место у окна, зарезервированное для нее Джейд, – кресло, раскладывающееся в узкую кровать. Из Нью-Йорка в Лондон она летела дневным рейсом, устала так, что готова была наплевать на циркадные ритмы и завалиться спать с утра пораньше. Она отправила эсэм-эску Оливии и выключила телефон. Потом содрала пластиковую упаковку с пледа и раскрыла запечатанную черную сумочку, в которой лежали миниатюрная зубная щетка, миниатюрный тюбик зубной пасты, миниатюрная коробочка с бальзамом для губ, миниатюрная баночка увлажняющего крема, спальные носки, спальная маска и беруши. Люси взяла два последних предмета и сунула черную сумочку в корзинку у кресла. Джейд крайне усердно выпрашивала, какое место в самолете и какой обед Люси предпочитает, какой кофе, какие газеты и какие продукты на завтрак доставить в лондонские апартаменты Хантера (сам он пользовался ими редко, но требовал, чтобы там было все необходимое), и Люси морально готовила себя к тому, что в очередном мейле увидит вопросы о своей группе крови, любимой позиции в сексе и политических убеждениях. Джейд, невероятно энергичная и расторопная личная помощница Хантера Стерлинга, явно получила указания холить и лелеять Люси.

Тремя неделями раньше Хантер и Люси оказались соседями по столу на званом ужине, и репутация Люси в научных и деловых кругах произвела на Хантера такое впечатление, что к тому времени, как подали чай из свежей мяты, он предложил Люси удвоенное жалованье и пост главы лондонского филиала «Дигитас» – компании, специализировавшейся на венчурных инвестициях в цифровые технологии, технические разработки и научные исследования, которую он основал после продажи своего легендарного хедж-фонда «Мидас» всего за несколько недель до краха «Леман бразерс». Люси поддалась на уговоры оставить свою работу в консалтинговой фирме «Стратегия» не только потому, что ее увлекли новые перспективы, но еще и потому, что некоторые аспекты ее личной жизни тоже потерпели крах. Хантеру так не терпелось, чтобы она побыстрее переехала в Лондон, что он предложил Люси пару недель пожить в своих апартаментах на Сент-Джеймс-Плейс, пока она не найдет подходящего жилья. Подобная щедрость неизбежно вызывала разочарование. Когда Джейд прислала мейл с планом двухэтажного пентхауса, снабженный таким количеством пояснений, что хватило бы на целую энциклопедию, Люси поняла, что после этого ей покажется неадекватной любая квартира, которую она могла позволить себе снять. И все же это было очень приятным знаком внимания, равно как и кресло в салоне первого класса, лимузин, довезший ее до аэропорта, и все остальное. Люси сознавала, что ее балуют, но была настолько ошарашена, что словно бы не ощущала этого.

Люси привыкла к особому обращению и к тому, что ей оказывают услуги, и всегда отвечала на них взаимностью, в пределах своих мерок. Нужда в поддержании определенного уровня защиты проистекала из трагической неопределенности детских лет Люси. Мать пятилетней Люси признали психически невменяемой после очередного маниакального приступа, и с тех пор она принимала затормаживающие препараты лития. К тому времени, как Люси исполнилось шестнадцать, ее красавец-отец погрузился в пучину алкоголизма. Люси ничуть не сомневалась, что родители любили ее и желали ей лучшего, хотя сами не устояли перед жестоким недугом. Общение с ними чем-то напоминало ту ситуацию, когда видишь, что любимый человек садится не в тот поезд, а ты, пытаясь предупредить его об ошибке, бежишь по перрону вслед за уходящим составом. Детство и юность Люси прошли в заботах о тех, кто должен был заботиться о ней самой. Она остро чувствовала любые перепады настроения своих близких и мечтала достичь такого уровня состоятельности, который оградил бы ее от тягостных финансовых перипетий ее детства. В некотором роде вся жизнь Люси была мучительным диалогом между ее настойчивым стремлением к независимости – в ипостаси «девы-воительницы», как она это называла, в честь шведских предков матери, – и ее непринужденной способности отыс-

кивать надежную гавань – если так можно выразиться, развивая сравнение с викингами, – привлекая внимание влиятельных мужчин, которые брали ее под защиту.

Люси сказала стюардессе, что не будет завтракать, и попросила сделать ей «Кровавую Мэри». Она с нетерпением ждала взлета, чтобы поскорее уснуть. Пристегивая ремень безопасности, она внезапно ощутила, как правую ногу свело необычной судорогой, похожей на ту, которую иногда чувствуешь в своде стопы, но сильнее, обширнее и продолжительнее. Люси села поудобнее и сжимала подлокотники кресла до тех пор, пока судорога не прошла. За последние две недели подобное случалось дважды, и оба раза она списывала это на приступ паники. В общем-то, симптом был пугающим, но особо не удивлял, потому что появился в самый тяжелый для нее месяц сплошного стресса и затяжной бессонницы. После того как Люси неожиданно отказали в продлении визы, «Стратегия» предложила перевести ее в лондонский филиал, но она решила принять предложение Хантера, что означало не только смену континентов и поиски нового жилья, но и начало новой работы. А тут еще и Нейтан.

Последние четыре года Люси жила в Нью-Йорке с Нейтаном, ее богатым и красивым американским бойфрендом, чьи родственники, можно сказать, приняли ее в семью. Родители Нейтана, с их особняком на берегу Лонг-Айленда, внушительным краснокирпичным домом в Уэст-Виллидже и тремя взрослыми детьми, которые обитали в роскошных квартирах по соседству, своей теплотой, равно как и отсутствием нищеты и психических расстройств, являли собой пример семьи, радикально отличающейся от той, в которой выросла Люси. Это продолжалось уже долго, Люси всем нравилась, поэтому все родственники Нейтана полагали, что очаровательная пара в конце концов официально оформит свои отношения, причем лучше раньше, чем позже, поскольку так будет не только романтичнее, но и полезнее. Сделанное Нейтаном предложение заставило Люси осознать, что ей совсем не хочется провести в его обществе не только всю оставшуюся жизнь, но и вообще какое-либо длительное время. Напористость Нейтана и его родных принудила Люси сделать вывод, что их отношения основывались на привычке и на гипнотическом страхе утраты. Поначалу Нейтан не принял отказа и начал уговаривать ее, упирая на глубину своего чувства и общность интересов, но Люси твердо стояла на своем, и в конце концов выяснилось, что он просто не представляет себе, что женщина с таким унылым прошлым может отвергнуть подобное выгодное предложение.

– Неужели ты не желаешь вот этой жизни? – спросил он, широким жестом обводя огромную лужайку, частный пляж, внушительный особняк, спроектированный Филипом Джонсоном и упоминавшийся практически во всех изданиях о шедеврах современной американской архитектуры, и гармонизировавший с ним гостевой домик, и студию, похожую на церковь с высокими окнами, потакающую любому, даже самому минимальному творческому импульсу в пространстве, способном вместить в ряд пятнадцать полотен Джексона Поллока; впрочем, в самом особняке работ Поллока и без того хватало. За постройками скрывался бассейн, теннисный корт и подъездная аллея, ведущая к двум сторожкам, где жили учтивые и великолепно вышколенные слуги, которых вполне можно было причислить к членам семейства.

– Так ведь не особняк же делает мне предложение, – ответила Люси, непроизвольно раздраженная вопросом Нейтана.

Ей было и без того неловко отказывать человеку, с которым она находилась в близких отношениях, а он еще и решил прибегнуть к подкупу, чтобы заставить ее передумать. Она намеревалась добиться успеха самостоятельно и не желала, чтобы удач чужого благополучия задушил ее собственные устремления. Разумеется, ее обольщала возможность обеспеченной жизни, но Люси с подозрением относилась к своей склонности обольщаться. Подлинным врагом было не отсутствие обеспеченности, а тяга к ней. Люси стремилась к высоким целям, а не просто к преодолению своих детских страхов.

– Спасибо, – поблагодарила она, когда стюардесса принесла «Кровавую Мэри».

Нога все еще не отошла от судороги и стала какой-то бесполезной. Люси потягивала свой преждевременный коктейль и массировала бедро. В прошлом, когда она целыми неделями по десять-двенадцать часов в день просиживала в библиотеке, у Люси иногда подергивалось веко. Сейчас ей не требовалась помощь Мартина Карра, психоаналитика и отца Оливии, чтобы осознать, почему дрожь сместилась от века к ноге, – дело было в том, что она одновременно вступила на слишком много путей. Дева-воительница покинула гранитную гавань семейства Нейтана и отправилась к новым приключениям, но подрастеряла сноровку, поэтому требовалось привести себя в соответствующую форму.

Как бы там ни было, этот бурный и обескураживающий период в ее жизни также означал, что они с Оливией снова будут вместе. Через несколько дней они встретятся в Лондоне, а потом поедут в Оксфорд, где Люси должна была познакомить большое число университетских профессоров с Хантером, внезапно решившим отправиться в поездку по Европе. Присутствие Оливии будет весьма кстати, поскольку Люси не мешало бы подновить оксфордские связи шестилетней давности. Вдобавок трудно было понять, с кем Хантер не захочет встречаться, принимая во внимание широту интересов «Дигитас». Люси особенно привлекал департамент биотехнологии, но она уже изучила остальные направления деятельности компании, включая «Гениальную мысль», подразделение, ведущее проекты по созданию искусственного интеллекта и разработке робототехники, которое возглавлял некий Сол Прокош. Хантер упомянул, что «Гениальная мысль» работает над весьма перспективным проектом, известным покамест как «Шлемы счастья». Отделу маркетинга поручили придумать название, которое не вызывало бы ассоциаций с детскими игрушками. Компания занималась и военными разработками, но от них Люси намеревалась держаться подальше, хотя Хантер заверил ее, что его «этическая позиция» предполагает исследования в области обороны, а не оружия нападения. В «Стратегии» ценили прошлые научные исследования Люси, но применять их приходилось для того, чтобы разработать более эффективные способы введения антибиотиков скоту, который в них совершенно не нуждался, или рассчитать целевую популяцию того или иного заболевания, чтобы предупредить фармацевтические компании о том, что их новый препарат либо будет применим лишь для редких заболеваний, либо некоторые из его побочных эффектов позволят охватить более широкий круг больных. Переход от консультативной деятельности к научным исследованиям предпринимательского характера впервые давал Люси возможность применить весь спектр своих талантов.

Ей не терпелось рассказать Оливии, что «Дигитас» приобрел контрольный пакет акций стартапа, основанного давним врагом Оливии, сэром Уильямом Мурхедом. «ЭвГенетика», медицинская компания по сбору данных, полагалась на труд нескольких поколений аспирантов под чутким руководством профессора Мурхеда. Корреляционные параллели между десятками тысяч генетических вариаций, делеций, дупликаций и мутаций, равно как и предрасположенность к сотням самых распространенных болезней и вероятность их клинического исхода, оседали в базах данных «ЭвГенетики» мертвым грузом, поскольку практически не учитывались и почти не применялись при лечении пациентов. Все эти сведения обладали ограниченной пользой для науки, но Люси знала, что компания способна приносить доход. Широкая публика проявляла огромный интерес к генетическим аспектам своих родословных, но Мурхед был выше этого. Люси не испытывала подобной шепетильности. Вряд ли способность человека выплачивать ипотеку или любить своих детей претерпит какие-либо изменения, если окажется, что один процент его генов принадлежит к гаплогруппе R-DF27 или что этот человек – потомок Чингисхана (довольно частый случай, доказывающий, что истинная цель человеческого существования – распространение генетического материала, для чего как нельзя больше подходят вооруженные набеги и изнасилования), однако же подобные исследования пользовались спросом. Люси собиралась предложить потребителям весьма дорогостоящую версию комплекта этой бесполезной информации, окружив ее рекламной шумихой о генеалогии самой компании,

основанной одним из тех, кто стоял у истоков генетики. С помощью такого нового источника дохода можно было трансформировать компанию и вывести ее на передний край науки.

Радовало и то, что книгу Оливии вот-вот опубликуют, хотя продадут в лучшем случае шестьсот экземпляров, а рецензия появится только в журнале «Современная биология». Люси же хотелось более широкомасштабных перемен. Не далее как вчера коллега рассказывал ей о том, что хлопчатник, выращенный из семян с кустов, пораженных долгоносиком, приобретает устойчивость к воздействию вредителей. Создание семенного фонда с эпигенетически приобретенными чертами произвело бы революционный переворот в сельском хозяйстве, поскольку опиралось на природные защитные механизмы, а не на стандартные методы жесткой гибридизации и генной модификации. Перспективные разработки в области генной модификации столкнулись с яростным сопротивлением потребителей. Исследователи из «Монсанто» после дефолианта «Эйджент-оранж» решили не останавливаться на достигнутом и занялись созданием так называемых семян-терминаторов, что не вызвало восторга ни у кого, кроме совета директоров компании, и в конце концов производство этих семян запретили.

Самолет начал выруливать на взлетную полосу. За иллюминатором проплывали лайнеры у терминала, деловитые буксировщики и вспышки тормозных фар, отраженные в мокром асфальте. Люси напряглась всем телом, будто только что вспомнила, что идет в одной связке с напарницей, которая оступилась и тянет ее вниз за собой, хотя до вершины осталось всего несколько шагов. Ностальгия, совершенно несвойственная Люси, сейчас увлекала ее в бездну неожиданно щемящих воспоминаний: белая и зеленая кафельная плитка в Нейтановой ванной комнате; энергичное, утомительное однообразие разговоров с его матерью; кафе на углу, где Люси выпила столько дрянного кофе, что его хватило бы на заправку целого самолета; причал, на котором младшая сестра Нейтана призналась, что предыдущим вечером лишилась девственности; великолепие золоченой адекватности ее прошлого существования; семейство, которое удочерило ее, но теперь вычеркнуло из своей жизни.

Самолет взлетел, и рев двигателя прозвучал в ушах Люси предсмертным воплем напарницы по связке, а потом Люси словно бы сорвала с пояса нож, полоснула по веревке, и вопль затих. Нет, не будем об этом. Об этом просто не будем. Лучше попросить еще одну «Кровавую Мэри», чтобы успокоить ноющие мышцы и поскорее заснуть.

3

В переполненном вагоне пятничного поезда Оливия пыталась вычитывать гранки. Проверив приведенную цитату из Сванте Пэабо: «Открою маленький грязный секрет геномики: нам не известно ничего, точнее, практически ничего о том, как наш геном превращает вещество в отдельно взятое, живое и дышащее существо»², она отложила листы и отдалась во власть грез, преследовавших ее от Оксфорда до Лондона и вот теперь снова вернувшихся на пути в Хоршем.

Охваченная нервным возбуждением при мысли о том, что она проведет выходные с новым любовником, Оливия смотрела в окно – прерывистые пригороды, футбольные поля, садики у домов, промышленные зоны, рощицы, мечтающие о сельской жизни, раздутые серебристые граффити на кирпичной стене, двойная скорость, двойной перестук и внезапная близость состава, пронесшегося в противоположном направлении, – казалось, Лондон так и будет тянуться, пока наконец не сползет в море. Ей пришлось признать, что она безумно увлечена Фрэнсисом, влюблена в него до сумасшествия: трудно было подыскать выражение, в котором не сквозил бы оттенок укоризны. Переход или погружение в субъективность другой личности – разумеется, если такое возможно – всегда возбуждает и пугает. Для начала необходимо, чтобы за этой субъективностью стояла личность, а не набор фрагментов, ограничений и заблуждений; более того, очень важно не утратить себя, стремглав бросаясь к сияющему озеру, на поверку зачастую оказывающемуся лужицей грязи, над которой жужжат мухи. Даже если забыть о возможном смятении и разочаровании, такое перемещение логически невозможно. Как по-настоящему погрузиться в субъективность другой личности? Однако же эта невозможность представлялась излишне схоластической, если помнить о способности вообразить и прочувствовать другой образ существования. Оливия часто ощущала эфемерные связи, то и дело возникающие между ее разумом и разумами окружающих, но соблазн превратить эти радуги в более прочные мостики возникал очень редко. Сейчас это желание, не подкрепленное какими-либо доказательствами, чем-то напоминало приступ морской болезни: Оливию швыряло от безосновательного блаженства к безосновательному отчаянию, от грез о счастье до грез об утрате счастья, покамест еще неведомого.

Она снова взялась за гранки своей книги об эпигенетике. Монотонный труд внезапно представился ей своего рода убежищем. С тех пор как двадцать лет назад, на пороге нового тысячелетия, утопически настроенные умы восторженно встретили завершение работы над проектом «Геном человека», поиск генов, отвечающих за то или иное желание, болезнь, склонность или физическую характеристику, за редкими исключениями продолжал оставаться безуспешным. Когда Сванте Пэабо возглавил проект по изучению генома шимпанзе, то надеялся обнаружить «любопытные генетические предпосылки, отличающие человека от других животных», но в конце концов, после публикации отсеквенированного генома шимпанзе, признал, что из полученных данных «невозможно получить ответ на вопрос, почему мы так отличаемся от шимпанзе». Как выяснилось, почти все наши гены сходны не только с генами приматов, но и с генами наших весьма отдаленных сородичей. Гены, содержащие гомеобокс – последовательность ДНК, вовлеченную в регуляцию развития и положения конечностей и других частей тела, – практически идентичны у дрозофил, рептилий, мышей и человека. Меньше всего изменений обнаружилось там, где надеялись увидеть наибольшую вариативность. Способность человека к мышлению и самосознанию не зависит от количества генов. Полное секвенирование человеческого генома выявило двадцать три тысячи активных генов, примерно столько же, сколько в геноме голотурии, но значительно меньше, чем сорок тысяч генов в геноме риса.

² Сванте Пэабо. Неандерталец. В поисках исчезнувших геномов (перев. Е. Наймарк).

Ах, ну да, была же еще и статья об утерянной наследуемости в журнале «Нейчур», за авторством Манолио и др., которая заканчивалась весьма примечательным пассажем: «Учитывая, что очевидное влияние генов на самые распространенные заболевания остается необъясненным, несмотря на выявление сотен сопутствующих аллелей, поиск утерянной наследуемости представляется многообещающим направлением, которое потенциально приведет к дальнейшим открытиям». В какой еще области науки нечто может быть «очевидным» и в то же время оставаться «необъясненным». В какой еще области науки отсутствие доказательств считается «многообещающим направлением»? Просто удивительно, что журнал, славящийся неимоверно строгим отбором научных работ, согласился опубликовать подобное некомпетентное и лицемерное заявление. Честнее было бы написать следующее: «После нескольких десятилетий исследовательской работы мы почти ничего не нашли, однако, поскольку мы посвятили свои карьеры этим бесплодным изысканиям, просим финансировать нас и дальше». Естественно, в будущем, возможно, найдутся кое-какие доказательства, но до настоящего времени самым ценным вкладом генетических исследований в науку стало то, что, насколько нам известно, сами гены почти не оказывают никакого влияния на формирование болезней, за редкими исключениями в виде моногенных заболеваний. К примеру, болезнь Тея-Сакса, гемофилия или хорей Гентингтона вызываются мутацией одного-единственного гена, а лишняя копия в паре 21-й хромосомы приводит к синдрому Дауна. Если не считать этих простейших примеров, достоверность генетической детерминированности приходится подпирать «совокупностью полигенных признаков» и «многофакторными ассоциациями».

Оливию очень раздражало ставшее до боли знакомым выражение «утраченная наследуемость», намекающее, что в один прекрасный день связи и ассоциации найдутся, как любимая кошка, если в витринах и на фонарных столбах расклеить достаточно объявлений. «Утраченное» предполагает, что до этого оно существовало, но, как показывают эксперименты, подобные ассоциации по большей части отсутствуют, а «утраченными» их объявили приверженцы заявленной доктрины, отказывающиеся пересмотреть выдвинутую ими гипотезу. Семантически это выражение из того же репертуара, что и «побочное действие» – фраза, долженствующая указывать на то, что среди лечебных воздействий того или иного лекарственного препарата нежелательные реакции возникают вроде бы случайно. Для пациента, страдающего слепотой или печеночной недостаточностью, «побочное действие» может оказаться не менее важным, чем основное воздействие лекарства. Сочтет ли подобные исследования «многообещающими» пациентка с депрессивным расстройством, которой долгие годы внушали, что ее болезнь связана с недостаточной активностью гена SLC6A4, а теперь выяснилось, что эта связь «утрачена» и что все это время больная возлагала надежды на лекарство, которого быть не может, отказываясь от существующих препаратов? Оливию, дочь двух психоаналитиков и сестру клинического психолога, больше всего бесило огромное количество затраченных денег и невероятное количество опубликованных статей, где всерьез утверждалось, что этот «ген-кандидат» вызывает депрессию; лучше бы эти деньги потратили на помощь тем, кто страдает депрессивными расстройствами, или, например, на ремонт разбитых дорог.

Как ни странно, именно профессор Мурхед, страстный борец за старую неodarвинистскую модель, подтолкнул Оливию к исследованиям в интересной и относительно новой области – эпигенетике. Оливия очень обрадовалась, когда ей предложили аспирантскую практику в лаборатории Мурхеда, но вскоре выяснилось, что профессор – записной ловелас, который весьма своеобразно, как, впрочем, и многие его коллеги, истолковывал выражение «совместная работа». Поскольку Мурхед рассматривал человеческую натуру исключительно с механистической точки зрения, каковую и изложил, с неотразимой смесью самодовольства и брюзгливости, в своем шедевре «Ненасытный механизм», Оливия решила, что его посягательства можно механически отвергнуть, но этот механизм словно бы жил своим умом, точнее, функционировал по вложенной в него программе чьего-то ума, потому как своего собственного ума

ему по правилам не полагалось. Неизвестно, какой объем отпущенной ему свободы воли он задействовал, но, как неистребимый паразит, прислал Оливии письмо на тринадцати страницах с подтверждением своих любвеобильных притязаний и перечислением симптомов любовного недуга, среди которых были бессонница, отсутствие аппетита и возобновившийся интерес к поэзии. К счастью, свои непрошенные восторженные излияния он начал примерно тогда же, когда у Оливии возник интерес к эпигенетике, которую Мурхед считал очередным кратковременным поветрием и полагал, что его аспиранты впустую тратят на это силы и время, кои следовало употребить на усердное перемещение массивов данных по пустыне генетического фундаментализма, дабы воздвигнуть мавзолей, увековечивающий профессорскую репутацию. Оливия до сих пор помнила то время, когда при любом упоминании Мурхеда у нее портилось настроение, мимолетно, но неотвратимо, как при солнечном затмении, которое она на практике в Индонезии наблюдала с вершины холма, а тень луны, скользившая по верхушкам леса, своей необъяснимой темнотой повергала в молчание все живые существа. От мерзких профессорских поползновений Оливии удалось избавиться без скандала лишь потому, что она сменила тему докторской диссертации и с тех самых пор надеялась, что в один прекрасный день свершится его неминуемое падение, но Мурхед горделивой серной одолевал головокружительные вершины, перескакивая с одного опасного уступа на другой. Его даже произвели в рыцари, что, по слухам, не добавило его поведению ни рыцарского благородства, ни куртуазности. Оливия, питавшая к нему глубочайшее презрение, поставила себе целью не подавать на него жалобу, а разгромить его на его же поле и ниспровергнуть деспотическое, но на удивление популярное влияние его научной идеологии. Тем временем она стала научным сотрудником, что избавило ее от необходимости преподавать или читать лекции.

На углу столика ожил ее мобильный телефон. Оливия выложила его, тем самым отдавая честь своего рода признанию возможности непредвиденного случая, сфабрикованной самой технологией. А вдруг у Фрэнсиса спустило колесо? А вдруг мама умерла? Оливия склонилась к мобильнику и увидела, что звонит ее брат Чарли. На миг, по глубоко укоренившейся привычке ученого, в ней всколыхнулось раздражение на отвлекающий объект, еще и потому, что она обрадовалась возможности отвлечься, но к тому времени, как она передумала, звонок оборвался. Не успела Оливия укорить себя за напрасную внутреннюю борьбу, как Чарли позвонил снова, потому что со свойственной ему проницательностью предположил, точнее, знал, что сестра хочет с ним поговорить.

– Привет, Чарли.

– Привет, – отозвался он. – Ты в поезде, что ли?

– Да, еду в Суссекс.

– Потому что встретила на вечеринке с высоким привлекательным незнакомцем и он пригласил тебя в гости на выходные.

– Да, только не на вечеринке, а на конференции. А все остальное – до ужаса точное предположение.

– Я экстрасенс, – сказал Чарли. – В тех случаях, когда это связано с тобой.

– И не имеешь ни малейшего представления о том, что происходит в головах твоих пациентов.

– Пусть лучше они сами совершают эти открытия, – возразил Чарли. – Находят скрытые в своих душах золотые россыпи.

– Или картофельные поля, – сказала Оливия. – Ни на что другое ты их не вдохновишь... Алло? Алло?

Чарли перезвонил:

– Я тебя только что поблагодарил, потому что картофель – более питательный продукт.

Оливия хмыкнула:

– Наверное, это я и имела в виду. Алло? О господи! Алло?

– Да здесь я, здесь, – сказал Чарли. – Связь барахлит.

– Слушай, давай поговорим, когда я вернусь в Оксфорд. Мне тут еще нужно поработать, внести последние правки.

– Да ты не волнуйся, все равно твою книгу никто читать не будет.

Оба успели рассмеяться, и сигнал снова пропал. Чарли горячо поддерживал идею Оливии превратить диссертацию в книгу и звонил, чтобы поддержать сестру. Несколько дней назад они обсуждали одну актуальную статью, которую Оливия обязательно хотела включить в текст, для чего и потребовалась новая редактура. В ходе описанного в статье эксперимента лабораторных мышей обдавали сладковатым апельсинным запахом ацетофенона, сопровождая это легким электрошоком. Неудивительно, что мыши, которых в течение трех суток били током по пять раз в день, «стабильно демонстрировали страх», учуяв ацетофенон. Для общепринятого взгляда на наследование проблему составляло то, что потомство этих мышей, которое не подвергали электрошоку, тоже проявляло ацетофенонобоязнь. Более того, она наблюдалась и в третьем поколении непуганых мышей. Самки, которые производили на свет новые поколения, не подвергались воздействию тока, чтобы исключить передачу ацетофенонобоязни в утробе, а к тому же проводилось искусственное оплодотворение, чтобы исключить распространение слухов иными мышинными методами. Исследователи не могли понять, каким образом ацетофенонобоязнь повлияла на химические реакции в организме, которые привели к изменениям экспрессии генов, закрепившимся в сперме «напуганных» самцов. Ортодоксальная теория случайных мутаций утверждает, что набор ДНК в организме складывается в момент зачатия. С этой точки зрения невозможно, чтобы приобретенная негативная реакция закрепилась в ДНК и стабильно передавалась по наследству. Именно подобный неординарный подход к проблеме наследования делал эпигенетику интересной областью исследований.

На табло над входом в вагон Оливия прочла названия следующих станций. До Хоршема оставалось три остановки. Она поняла, что больше не сможет сосредоточиться на работе, но дала себе слово, что к воскресенью, за то время, что будет гостить у Фрэнсиса, или на обратном пути, она обязательно отыщет подходящее место в книге, куда можно вставить описание провокационных, противоречащих принятой парадигме, стабильно демонстрирующих страх мышей. А сейчас следовало заняться эсэмэсками и мейлами, требующими ответов, чтобы потом ничто не помешало бурному уик-энду. Она на удивление быстро разобралась с новыми сообщениями, поскольку заранее решила отложить на потом все более или менее сложные, удалить все назойливые и ответить только на эсэмэску от Люси, подтвердив совместный ужин во вторник словами: «Жду Хх».

Этим вечером Люси прилетала из Нью-Йорка. Как замечательно будет встретиться после шестилетней разлуки! Они подружились еще студентками, обе поступили в аспирантуру в Оксфорде, но Люси, в отличие от Оливии, рассталась с опостылевшей академической средой и устроилась работать корпоративным консультантом сначала в Лондоне, а потом в Нью-Йорке. Оливия, которая могла утверждать, что посвятила себя чистой науке, прекрасно знала, что Люси было неоткуда ждать наследства и было не на кого опереться, кроме как на саму себя, а вот родители Оливии трудами всей своей жизни приобрели особняк в Белсайз-Парке, который теперь стоил безумных денег и в один прекрасный день достанется ей и Чарли. Наивно было бы отрицать психологическое воздействие подобных различий. Разумеется, подруги поддерживали трансконтинентальную связь, но Оливию очень радовало то, что Люси снова будет присутствовать в ее жизни.

Наконец Оливия выключила телефон, положила гранки в рюкзак и сняла с багажной полки сложенное пальто. Теперь она была готова к выходу, и делать больше ничего не оставалось, разве что выйти в тамбур и два перегона торчать у дверей, мешая входящим и выходящим пассажирам. Она поудобнее уселась в кресле, повернувшись боком, чтобы слегка опереться коленом о край стола, и устремила взгляд в поля, наслаждаясь сопричастностью оттенков осен-

них лесов и пламенеющего над ними вечернего неба, но вскоре ею вновь завладели волнующие грезы о том, как она окажется в обществе человека, которого почти не знает.

4

– Ничто не происходит без причины, – сказал Сол, изящно зажав серебристую соломинку между большим и указательным пальцем, – однако, к сожалению, по-настоящему важные события происходят по неизвестным нам причинам.

Сол всегда говорил быстро, но утром в понедельник стремился заканчивать предложения, как рекордсмен, рвущийся к финишной черте.

– К примеру, истинная природа корреляции между электрохимической активностью мозга и ощущением собственного сознания нам совершенно непонятна, а поскольку все наше знание зависит от нашего сознания, наше описание реальности, каким бы связным оно ни было, висит над бездной.

Он наклонился и вдохнул чуть поблескивавший порошок; великолепный кокаин, нежный, как толченный жемчуг; изогнутые дорожки напоминали следы когтей на стекле фотографии Барри Голдуотера в серебряной рамке. Все кандидаты в президенты, и от Республиканской, и от Демократической партии, начиная с провальной кампании Никсона против Кеннеди в 1960 году, презентовали свои подписанные фотографии отцу Хантера. Хантеру не нужно было ждать, когда Уолл-стрит научит его хеджировать ставки, – еще ребенком он приходил в отцовскую библиотеку и читал теплые слова, которые извечно конкурирующие именитые американские политики обращали к его отцу.

– Над бездной... – повторил Сол. – Ух ты, классно торкнуло... Так, на чем я остановился? А, ну да, опыт обвиняет науку в редукционизме и авторитарности, а наука отвергает опыт как субъективный, несистематический и заблуждающийся. Складывается абсурдная ситуация, когда нарратив личного опыта и нарратив опыта экспериментального осыпают друг друга оскорблениями и переругиваются через логическую брешь. Через очень, очень широкую – можно сказать, зияющую логическую брешь.

Он раскинул руки, чтобы Хантер уяснил всю ширину этой логической бреши, откинулся на спинку скрипучего плетеного кресла у письменного стола из розового дерева, надул щеки и уставился куда-то вдаль, на сплетенные гряды золотистых холмов «Апокалипсиса сегодня»³, хантеровского ранчо в Биг-Суре, круто сбегające к безмолвному Тихому океану. С моря на берег напоздало дымное марево, поглощая ленивое сверкание прилива, но, каким бы густым ни был туман, до дома он никогда не дотягивался, а только нагонял заиндевелую муть к подножию.

– Вот гляжу я на эти виды, – сказал Хантер, – и испытываю комплекс ощущений, восприятий, осмыслений и воспоминаний. Однако я не испытываю того, как возбуждаются нейроны, хотя без возбуждения нейронов ничего этого я бы не испытывал...

– Это мучительно сложный вопрос, – прервал его Сол. – То есть что именно является матрицей, преобразовывающей одно в другое? Пойми меня правильно, я материалист...

– Рад это слышать, – сказал Хантер. – Может быть, развитие «Гениальной мысли» облегчит твои мучения.

– Да, разумеется, – ответил Сол, – но материализм должен много чего объяснить не только о сознании, но и о массе прочих вещей... – Он умолк, охваченный наслаждением. – Господи, какой кайф! И главное, без напряжения. Слушай, а продай-ка мне из своих запасов? Ох, прости, наверное, это неприлично.

– Да, – подтвердил Хантер.

– Но мы с тобой круты, да? – нервно уточнил Сол.

– Один из нас крут, а другой нет, – хохотнул Хантер.

³ По названию фильма Фрэнсиса Форда Coppola, снятого в 1979 г., в котором использованы мотивы повести Джозефа Конрада «Сердце тьмы».

Сол Прокош никогда не был крут, ему вообще не светила крутизна. В Принстоне они с Хантером не особо дружили, но, во всяком случае, Хантер никогда его не обижал, в отличие от некоторых заносчивых однокурсников, чьи деды до сих пор огорченно вздыхали, вспоминая золотые денечки, когда евреев не пускали в лучшие отели Нью-Йорка и Палм-Бич. Теперь Сол именовался *профессором кафедры химической технологии, искусственного интеллекта и реализации человеческого потенциала имени Лафайета Смита и Батшевы Смит Калифорнийского технологического института*, как было написано на его необычно большой визитной карточке. В настоящее время он занимался сканированием мозга испытуемых в различных востребованных настроениях, с тем чтобы воспроизвести эти настроения в других испытуемых с помощью транскраниальной магнитной стимуляции. Выяснилось, что очень сложно реверсивно сконструировать эти состояния и скопировать их эффект в чужой мозг, который упрямо продолжал генерировать свои собственные мысли даже тогда, когда сканы головного мозга после транскраниальной стимуляции демонстрировали большое сходство с результатами оригинального нейровизуализационного обследования. Сол не добился особых успехов, но Хантера так впечатлил захватывающий потенциал этой новой технологии, что он тут же назначил Сола старшим вице-президентом компании «Дигитас» и поставил его во главе «Гениальной мысли» и департамента Новых проектов.

– Может, я провидец, – сказал Хантер, отправляя эсэмэску «рагу из вагю»⁴ своему шеф-повару в ответ на предложенное им обеденное меню. – А может, меня мучает вина выжившего, но я решил, что самое время что-нибудь вернуть. Возможно, «вернуть» – в данном случае не совсем подходящее слово. Я не имею в виду вернуть деньги инвесторам, заплатившим за мой хедж-фонд миллиард шестьсот миллионов долларов за несколько дней до того, как рынок обвалился, и не собираюсь вернуть на работу пятьсот бывших сотрудников «Мидаса».

– Да, «вернуть» – совершенно неподходящее слово. – Сол с вождением уставился на фотографию Барри Голдуотера.

– Как бы то ни было, – заявил Хантер, – я хочу, чтобы наши продукты, «Гениальная мысль», «ЭвГенетика» и все прочие превосходные идеи, базировались на интеллектуальной собственности, которая не только внесет весомый вклад в науку, но и соберет нобелевки во всех областях.

– Ну, какие-то премии все же надо будет оставить для других, – сказал Сол, как адвокат, умоляющий о помиловании.

– Пусть забирают мир и литературу.

Непонятно почему, это заявление рассмешило их обоих, и они покатались со смеху.

– Мир и литературу, – простонал Сол, пытаясь взять себя в руки. – Почему это так смешно?

– Мы под кайфом, – сказал Хантер.

– Да, понятно, но все равно это... – Не в силах развить мысль, Сол еще раз простонал: – Мир и литературу...

– Что ж, с программами «Сосредоточенность» и «Релаксация» ты практически разобрался, – сказал Хантер, – но надо еще поработать над алгоритмом «Блаженства», а потом, когда наш продукт станет повсеместно востребован, мы выпустим шлем «Нирвана».

– Абсолютно, – кивнул Сол. – И вообще, мне пора возвращаться в Пасадину, мы сегодня сканируем любовь, радость и сочувствие Матьё Рикара.

– А, этого французского ламы...

– Его самого, – подтвердил Сол. – Феноменальный тип. Его хоть пытай, хоть топи, а основные показатели жизнедеятельности не меняются. Такие вот мощные альфа-ритмы.

⁴ *Вагю* – премиальная японская говядина.

– Вот, нюхни на дорожку. – Хантер протянул Солу фотографию Рональда Рейгана с автографом, пересеченную парой аккуратных дорожек кокаина. – Не надо было затягивать уик-энд до утра понедельника, но мозговой штурм – он потому и мозговой штурм, что его не оставишь.

– Точно. Мозговой штурм! – Сол нюхнул брючину Рональда Рейгана.

– Давай сканируй своего ламу. А я позвоню Люси Расселл, новой заведующей лондонским филиалом «Дигитас».

– Кстати, как она?

– Пока неясно, хотя... Ты же меня знаешь – мне быстро все наскучивает. А с ней мне не скучно. Обычно со мной все соглашаются, но она не боится указывать мне на ошибки. – Хантер провел носом по рейгановскому красному галстуку, морщинистому улыбчивому лицу и подозрительно черной шевелюре.

Они попрощались, обнявшись и похлопав друг друга по спине, и Сол отправился в шестимильное путешествие от ранчо Хантера по дороге, лентой петляющей вдоль берега.

Хантер вернулся в особняк, протер стекла фотографий экранной салфеткой и повесил сенатора Голдуотера и президента Рейгана на положенные им крючки на стенах роскошного, облицованного дубовыми панелями кабинета, который выглядел вполне традиционно, если не считать двух угловых стен толстого стекла, наконечником стрелы нацеленных в море, так что брутально-мужское помещение, залитое светом, словно бы парило в воздухе. Он был на взводе и с нетерпением ждал разговора с Люси. По плану телефонный звонок следовало сделать через пятнадцать минут. Хантер расположился в красном кожаном кресле, напротив сияющих ножен бесценного самурайского меча, подвешенного между книжных полок на противоположной стене кабинета.

Сол, Люси и остальные члены команды были *консильери*⁵ Хантера, а сам он претендовал на жизненно важную область человеческих устремлений, именуемую наукой, которую сообщество миллиардеров зачастую оставляло без внимания, в отличие от искусства, животных, оперы, Марса, сирот и широко известных заболеваний. Привлечь внимание было непросто, особенно теперь, когда Билл Гейтс окучивал малярию, а у Метрополитен-музея появилось больше филантропических крыльев, чем у дрозофилы-мутанта, но Хантер основал исследовательский фонд, занимавшийся поиском научных решений многочисленных мировых проблем. К сожалению, всякий раз, когда у Хантера возникала интересная мысль, работой над ней неизбежно занимался «Дигитас». Однако для человека его финансовых возможностей появляться в обществе без фонда было так же неприлично, как строителю разгуливать по строительной площадке без каски. За ужином, на котором Хантер познакомился с Люси, он мельком, просто к слову, упомянул свой фонд, а она ответила: «Для иностранцев в Америке слишком много филантропии и слишком мало благотворительности. Люди идут на самоубийство, лишь бы доказать, что они заслуживают хоть немного самой обычной доброты, а горстка богачей только и делает, что хвастает своей щедростью – особенно если она не облагается налогом». Вот тогда Хантер и решил переманить Люси к себе.

До звонка оставалось восемь минут, и Хантер ощутил, как подступает привычная катастрофа: потушило. Он взглянул на Джимми Картера (следующего на очереди), но понял, что готовить дорожку поздно – до звонка не успеть. Пунктуальность и контроль были невероятно важны для него, возможно, потому, что сам он был совершенно неподконтролен. Такой образ жизни он вел с юношеских лет; теперь это случалось редко, но бурными всплесками, однако риск сопровождал его всегда и везде. В Принстоне, где ему смутно помнилось присутствие Сола, по ночам Хантер писал рефераты, которые надо было сдавать наутро. Пропорцию он установил следующую: двадцать строчек текста на одну дорожку кокаина; реферат, начатый

⁵ *Consiglieri (um.)* – советники.

с напыщенной уверенностью, постепенно превращался в витиеватую неразбериху. Надо было остановиться. Человеку на пороге пятидесятилетия так жить нельзя, но, несмотря на всю терапию, оставались уголки, куда он так и не смог добраться, какие-то необезвреженные бомбы, неустранимая склонность к разрушению. В эти последние болезненные минуты можно было проверить в телефоне состояние финансовых рынков или расписание встреч, которое Джейд присылала каждое утро, но вместо этого Хантер оцепенел и мрачно разглядывал роскошный интерьер своего кабинета до тех пор, пока цифры на часах не показали нужное время. Он ударил кулаком по ладони, встряхнулся и набрал номер Люси:

– Люси! Как дела?

– Привет, Хантер! У тебя здесь очаровательные апартаменты. Ты рад предстоящей поездке?

– Не то чтобы очень, – сказал Хантер. – Но рад, что увижусь с тобой, и рад, что ты подготовила великолепные встречи. Я двенадцать лет прозябал в хлябях ваших островов, пока не закончил Вестминстерскую школу и не поступил в Принстон. Возвращение в Штаты стало для меня чем-то вроде похода на Супербоул после того, как навестил бабушку в доме престарелых. В Лондон мы переехали, когда мне было шесть лет. Отец тогда вручил мне первую в моей жизни пятифунтовую банкноту, и я решил, что англичане назвали свою валюту в честь нашего семейства – пять фунтов стерлингов. Психологи очень любят такие замечания: ну как же, ранний признак гипертрофированного нарциссического чувства собственного величия.

– Оно у тебя до сих пор сохранилось, – осторожно пошутила Люси, исследуя границы новых отношений.

Теперь, когда телефонный разговор начался, Хантер осознал, что в нем говорит кокаин, но остановиться было невозможно.

– Знаешь, Люси, – заявил он, – миром правят посредственность комиссий, паралич системы сдержек и противовесов и милостивая мегаломания богачей. Все остальные просто орут в стеклянном колпаке, из которого выкачан воздух, – как ни прислушивайся, не разберешь ни слова, не узнаешь, чего они хотят. «Что-что? Простите, я вас не слышу!» Исторический «процесс» – удел человеческого мусора, удерживающегося на плаву приливными волнами моды и судьбы. Я верю в исключительные личности, Люси, в тех, кто приносит радикальные перемены, и очень надеюсь, что ты – одна из них, потому что в моей команде работают только такие люди. Итак, что ты для меня приготовила?

– Я подтвердила все интересующие тебя встречи, – сказала Люси. – С главами почти всех научных департаментов Оксфордского университета. Департамент психиатрии разработал виртуальную психотерапевтическую программу под названием «Аватар», очень многообещающую. Она помогает пациентам с шизофреническими расстройствами...

– Шизофрения меня не интересует, – оборвал ее Хантер. – Ею страдает лишь один процент населения, по большей части бедняки.

– Почти все население земного шара – бедняки.

– Ты не видела моей адресной книги, – хохотнул Хантер.

– Могу себе представить, – с досадой сказала Люси.

– Чем выше твой социоэкономический статус, тем больше вероятность, что тебе поставят диагноз «биполярное расстройство», а не «шизофрения», хотя симптомы будут одними и теми же. Я вовсе не против «Аватара» и синтеза «человек-машина»: интернетные контактные линзы, раз моргнул – и получил доступ к мировой сокровищнице знаний. А диктовать будем не слова, а мысли, представляешь? Из синапсов – прямо на экран, у нас есть великолепный стартап, они как раз над этим работают, проект называется «СайнАпп», патентные заявки уже поданы. В общем, шизофрения – это слишком узкая специализация, но если программа работает и для биполярных расстройств, то можно и ознакомиться поближе.

– В науке все узкоспециализированно, – вздохнула Люси. – Все считают ученых высококолыми интеллектуалами, но очень немногие научные работники способны критически проанализировать и оценить свои методологии. Им не до того, они ищут финансирование, постоянный контракт или просто заняты тем, что лазерным лучом тычут в каждую клеточку нематоды – а поскольку червячок не больше миллиметра длиной, то работа это непростая, – в поисках ингибитора апоптоза, то есть гибели клетки.

– Ингибитор гибели клетки? Ты знаешь, кто ведет эти исследования? Организуй мне встречу, включи в расписание.

– Когда мы с тобой встречаемся? – спросила Люси, с огромным трудом сдерживая раздражение.

– Самолет приземлится в Фарнборо в семь утра. Слушай, вот почему пассажиры коммерческих авиалиний всегда говорят «мой самолет приземлится», а те, у кого есть свой собственный самолет, всегда говорят просто «самолет»?

– Да, удивительно, – пробормотала Люси.

– Приезжай в аэропорт. Водитель за тобой заедет.

Люси не успела ничего сказать, потому что Хантер положил трубку.

– Вот мудак, – проворчала Люси, швырнув телефон на диван – на хантеровский диван.

Апартаменты Хантера одновременно и смягчали ее раздражение, и усугубляли его. На шее и на запястьях запульсировали жилки. Поначалу Хантер заманивал ее к себе в компанию, всячески подчеркивая, что ее академические знания найдут там лучшее приложение, что она принесет несказанную пользу миру, и, разумеется, предложил удвоить ее жалованье. Все это, вкупе с выходным пособием, полагавшимся в том случае, если ее уволят не за должностное или иное преступление, заставило Люси проигнорировать тревожные слухи о «сомнительном» прошлом и о «взрывном» характере Хантера. А теперь ей приходилось мириться с тиранией его капризов и угроз... Боже мой, вот опять...

По едва заметным признакам она определила неминуемое приближение очередного приступа паники. Едва Люси успела сесть рядом с отброшенным телефоном, как на нее навалилась тяжесть. Увеличенная сила притяжения словно бы сконцентрировалась в одном месте, все внимание сосредоточилось на правой стороне тела, а сознание беспомощно наблюдало за этим откуда-то со стороны, как мать в парке аттракционов, глядящая на своего визжащего отпрыска, вжатого в сиденье бешено крутящейся карусели. Потом начались судороги, сперва редкие, но учатившиеся, когда приступ достиг пика. В то же время Люси ощутила какое-то чуждое бурление в правой стороне тела, как если бы в поясницу впрыснули содержимое сифона с газировкой. Все это длилось около минуты, оставив после себя легкое головокружение, а онемевшую ногу и ступню свело и покалывало.

Если это приступ паники, подумала Люси, то очень действенный. Ее на самом деле охватила жуткая паника. Придя в себя, Люси позвонила своему приятелю Эшу, доброму умному доктору, который сразу же вызвался ее навестить. Он тщательно осмотрел Люси, заставил ее несколько раз упереться ступнями в его ладони, пересечь комнату по прямой, постоять то на одной, то на другой ноге. Люси проделала все это с большим успехом и адекватно отреагировала на удары резинового молоточка.

– Наверняка это из-за стресса, – сказал Эш. – Однако, поскольку симптомы сосредоточены в конкретном месте, я договарюсь, чтобы тебя осмотрел невролог, и попробую завтра записать тебя на МРТ, проверить, не повреждены ли нервные окончания в ноге. А пока вот тебе зопиклон, отоспись хорошенько.

После разговора с Эшем Люси почувствовала себя намного лучше, а поскольку почти никогда не принимала снотворного, уснула очень быстро и надолго.

5

Оливии, в прекрасном настроении, было все равно, где встречаться, но она не могла понять, почему Люси пригласила ее на ранний ужин именно в «Благородную гниль». Вечер выдался сухой и ясный, поэтому Оливия решила пройти пешком от офиса своего издателя. После долгих переговоров ей все-таки удалось включить в книгу межпоколенчески-травмированных мышей и убедить редактора в необходимости переверстать макет. Выходные с Фрэнсисом растянулись на четыре ночи, поэтому мышами она смогла заняться только утром, в поезде, соприкасаясь с Фрэнсисом ногами под столом. Расстались они лишь на вокзале Виктория. Оливия отправилась домой к родителям, а Фрэнсис пошел на встречу в Ассоциацию почвоведов. Теперь, спустя девять долгих часов, они оба спешили на Лэмз-Кондуит-стрит.

В прошлую пятницу, на пути со станции домой, Фрэнсис предупредил Оливию, что у него нет интернета, причем сперва произнес это извиняющимся тоном, но потом признался, что ему очень нравится возможность покидать сетевой улей коллективного сознания и пчелкой-шатуном устремляться подальше от жужжащего рабства колонии. Поначалу беседа неспешно раскачивалась в уютном гамаке обсуждения грядущей экологической катастрофы, но затем Фрэнсис начал описывать перспективы, предлагаемые восстановлением дикой природы, а также предположил, что Гея, то есть коллективный разум планеты, или, по крайней мере, рациональное представление о планете в целом, намерена отомстить и вскоре стряхнет с себя человеческую заразу, отравляющую так называемую критическую зону, тонкий голубой слой воздуха и воды, где обитают сложные формы жизни. Вне всякого сомнения, уцелеют древние семейства бактерий, вирусов, грибов и насекомых, в равной степени равнодушно воспринявших и эпоху антропоцена, и туповатых, медлительных динозавров. К гипотезе о Гее Оливия отнеслась скептически, полагая, что жажда власти и удобств самостоятельно и неторопливо, беспилотник за беспилотником, расправится со своими приверженцами.

– С Геей или без Геи, все сводится к одним и тем же экзистенциальным страхам, – сказала она, когда Фрэнсис припарковал машину у дома.

Вместо ответа он с обезоруживающей улыбкой посмотрел на Оливию, словно оба понимали, что дискуссия происходила лишь для того, чтобы скрасить поездку от станции. Они прибыли в место, куда не добираются отслеживающие куки-файлы, где невидимые соглашения не в состоянии дистанционно включить микрофоны и камеры в коммуникационных устройствах, в место, извечная безликость которого составляла суть его существования, а не объявляла о своем расположении во всемирной сети, вызывая тем самым байесов каскад сбора данных, самоусиливающихся поведенческих моделей и персонализированных новостей, и где наконец-то можно было прекратить обсуждение того, какая версия вымирания им грозит, чтобы перейти к выяснению настоящей причины, по которой они здесь оказались.

Они отправились напрямик в спальню, не распаковывая вещей и обойдясь без обзорной экскурсии по дому, что помогло Оливии отвязаться от мыслей либо о смущенной неловкости, либо о бурной страсти, которые мучили ее с тех самых пор, как она приняла приглашение Фрэнсиса. Однако же чего Оливия не представляла, равно как и обоев в широкую небесно-голубую и кремовую полосу и обшарпанного вязового бруса потолочных балок и оконных рам, так это глубины своего доверия к Фрэнсису, которое она к тому времени уже ощущала или ощутила спонтанно – сказать было трудно, поскольку их предыдущая встреча прошла в каком-то дурмане, превращавшем импульсивность в спонтанность, а хмельной угар – в судьбоносность.

В торжественном молчании Фрэнсис провел Оливию на второй этаж, где они вскоре разогнали остатки призрачной дымки, окружавшей их первый вечер в Оксфорде, и встретились лицом к лицу, глядя друг другу в глаза, не отвлекаясь ни на смущение, ни на фантазии,

искренне улыбаясь наслаждению, которое они черпали друг в друге. А потом они лежали бок о бок, сплетенные, но безмолвные, не рассыпая попусту комплименты и уверения в обретенном блаженстве, потому что оба сознавали, что именно произошло; в этой сияющей тишине разум Оливии избавился от всех впечатлений, кроме осознания сияния и тишины. Они снова начали целоваться, как пловцы, которые, выйдя на обжигающий песок тропического пляжа, тут же передумали и снова вернулись в бушующий океан. Им нужно было столько сказать друг другу, что разговаривать было незачем. Слова попросту умножили бы отличительные признаки, уничтожаемые тем, что сейчас пронизывало и окружало их, как магнитное поле, заставляющее железные опилки складываться в очертания цветка.

Оливия приняла ванну и спустилась на кухню, где разговор возобновился. Толстые носки смягчали холодок неровных каменных плит под ногами. Фрэнсис заговорил сквозь пар, поднимавшийся от вареной картошки, откинутой в дуршлаг. Оливию впечатлила спокойная уверенность, с которой Фрэнсис занимался приготовлением ужина. Сама она готовила со смесью монотонности и паники, а трудясь над хорошо знакомым блюдом, не теряла уверенности, что у нее ничего не выйдет. Оливия смутно припомнила, что Стивен Пинкер в одном из своих внушительных томов провел различие между «контаминационной грамматикой» и «аналитической грамматикой», или что-то в этом роде. Кулинария и живопись, как ни странно, принадлежали к категории «контаминационных», а Оливия ни в том ни в другом не блистала.

– На этом предварительные приготовления окончены. – Фрэнсис высыпал отваренный картофель на сковороду, встряхнул ее, чтобы перемешать (контаминировать, в грамматическом смысле) картофель с оливковым маслом и розмарином, и поставил в духовку.

Он провел Оливию в гостиную, где они растянулись на большом диване и глядели на огонь, тлеющий в рассыпчатой грудке пепла и угольков.

– Господи, как здесь хорошо, – вздохнула Оливия.

Еще нежась в ванне, она вспомнила о неизбежных порывах откровенности, сопровождающих всякую влюбленность, и решила признаться, что она – приемный ребенок, в отличие от ее брата Чарли, родного сына Мартина и Лиззи. Оливия вкратце изложила Фрэнсису основные факты и то, что приемные родители сообщили ей об этом в день ее шестнадцатилетия.

– Поэтому ты и решила стать биологом? – спросил он.

– Наверное, но я не сразу это поняла. Отец сдержался и не стал подвергать анализу мой выбор профильных школьных предметов: биология, химия и социология.

Фрэнсис рассмеялся и прижал ее к себе.

– Осознала это я только студенткой, – продолжила Оливия, – когда решила раз и навсегда опровергнуть постулат, что основным вкладом в формирование моей личности является генетическое наследие, переданное мне парой неизвестных.

Она не стала разыскивать свою биологическую мать, считая, что поиски посторонней женщины, отказавшейся от дочери, предадут ее истинных родителей. С этим убеждением она рассталась лишь в двадцать шесть лет, когда у ее подруги родился ребенок. Оливии позволили поддержать новорожденного, и она спонтанно ощутила всепоглощающую нежность, но мать, измученная родами, тут же потянулась к младенцу, чтобы успокоить и защитить его. У Оливии немедленно разыгралось воображение, и она стала раздумывать о мотивах, вынудивших ее биологическую мать на такой поступок, поэтому в конце концов решила встретиться с той, кого, как выяснилось, звали Карен Хьюз.

В день встречи Оливия проснулась в холодном поту в четыре утра, в родительском доме, в том суеверном состоянии, когда все кажется метафорическим и многозначительным. Она хотела остаться дома, там, где жила в окружении любящей семьи, а не в доме, который мог бы быть ее родным домом в бессмысленном измерении прошедшего времени и условного наклонения. Из Белсайз-Парка она уехала слишком рано и, задумавшись в метро, проехала нужную станцию на целых две остановки, поэтому к дому Карен отправилась пешком, на ходу так

часто посылая эсэмэски и названивая Люси и Чарли, что батарейка в ее стареньком мобильнике села. Надо было спросить у кого-нибудь дорогу, но не спрашивать же у этого типа со впалыми щеками, которого волочил переваливающийся бульдог на поводке. Серые высотки через дорогу, потемневшие от дождя, были так густо утыканы тарелками антенн, что напоминали щупальца осьминога. В центральном скверике с вытоптанной травой росли кусты, отторгавшие любые попытки вандализма не только своими зазубренными листьями, похожими на высунутые языки гаргулий, но и совершенством своей непревзойденной уродливости. Вдобавок два куста прибегли к дополнительной мере предосторожности и засохли. Оливии претило собственное отношение к непривычной окружающей действительности. Проклятая психотерапия не допускала случайных выбросов отрицательных эмоций. Смесь высотных зданий и ленточной застройки была характерна для многих районов Лондона, где доводилось бывать Оливии, но сейчас она проецировала свой страх встречи с матерью-предательницей на залитые дождем дома и на типа, выгуливающего собаку, а страх, что встреча пройдет ужасно, – на чахлые кусты.

Оливия рассказала Фрэнсису, что ее параноидальное состояние немного развеялось, когда дружелюбный прохожий объяснил, что Мафекинг-стрит – «вторая улица направо, там сразу видно», но, как только она приблизилась к повороту, все страхи вернулись. Она замедлила шаг. Какое отношение все это имеет к ней? Ее обуяло гнетущее, истерическое сопротивление. Вся генетическая информация, заключенная в резервуаре дома Карен, уже была вложена в саму Оливию. Внезапно ей захотелось повернуться и уйти, но входная дверь распахнулась, и на пороге появилась усталая добрая женщина с густыми седыми волосами, небрежно собранными в пучок, в старом свитере и джинсах.

Карен провела Оливию в крохотную гостиную, полную книг. Книги стояли на полках, лежали на столах и этажерках, стопками высились на полу у кресла. В комнате было сумрачно, только у кресла горела лампа да тускло сиял электрокамин с черными и оранжевыми поленьями, так явно фальшивыми, что в другом месте они выглядели бы китчем, однако здесь вся обстановка говорила о скудости средств и равнодушии к интерьерам. В первые неловкие минуты Карен налила чаю и предложила печенье, от которого Оливия отказалась. Как только Карен села в кресло, на колени ей запрыгнул трехцветный кот, и она начала его гладить – с выразительной поспешностью, отражавшей не столько требования кота, сколько ее собственное настроение.

– На одной из нижних книжных полок лежала фотография, – продолжила Оливия. – Мне показалось, что на ней молодая Карен с ребенком на руках. Ой, там что-то горит! – внезапно воскликнула она.

– Тьфу ты! – Фрэнсис сорвался с дивана. – Я так увлекся, что совсем забыл. Вот сядем за стол, и продолжишь. – Он открыл дымящуюся духовку и вытащил противень с курицей и картофелем, весьма зажаристыми.

За ужином она завершила свой рассказ и почувствовала себя еще ближе к Фрэнсису. Следующие три дня они не расставались и поневоле разлучились только сегодняшним утром. К счастью, вскоре они снова будут вместе.

Оливия заглянула в огромные окна ресторана и увидела, что Фрэнсис уже там и Люси тоже, только сидит за отдельным столиком. Странно было сознавать, что два близких ей человека находятся в одном помещении, но не подозревают друг о друге и ждут ту, чье появление образует новую среду, – так в прозрачную жидкость добавляют третий раствор, и она внезапно начинает переливаться радужными красками. Оливия не успела еще войти, как Фрэнсис поднялся, словно бы заметил ее или как-то еще ощутил ее приближение, хотя до этого был погружен в книгу. Он распахнул дверь и вместо приветствия поцеловал Оливию. Люси не сразу увидела подругу, но вскоре тоже подошла, и они крепко обнялись. Оливия представила Люси и

Фрэнсиса друг другу, и официант провел всех за столик в глубине ресторана, где Люси села в уголок, спиной к стене, напротив Оливии и Фрэнсиса.

– Обожаю этот ресторан, – воскликнула Оливия, прильнув к Фрэнсису. – А почему здесь? Ты же говорила, что у Хантера апартаменты на Сент-Джеймс-Плейс.

– Да, – ответила Люси, – но я ходила на прием в Неврологическую лечебницу на Квин-сквер.

– Ох, а что с тобой? – встревожилась Оливия.

– Да мышечные спазмы совсем замучили. Наверно, это все из-за стресса. Вчера вечером был такой сильный приступ, что пришлось позвонить Эшу – помнишь Эша? – и он записал меня на прием к неврологу, доктору Хаммонду. Мы с ним обсудили способность тела соматизировать психологические состояния. «Все эти бедолаги, которые вернулись с Первой мировой с неврозами, – поразительные случаи. Совершенно необъяснимые с точки зрения неврологии», – сказал он. И, как он выразился, «на всякий случай» отправил меня на МРТ. Вот я и зарезервировала столик здесь, потому что проходила обследование в томографическом центре за углом.

– А когда будут результаты? – спросила Оливия.

– В следующий вторник, после очень длинного уик-энда с Хантером, боссом, который никогда не спит. Уик-энд начинается в четверг, как только в пять утра прозвенит мой будильник.

– По-моему, у тебя звенит слишком много будильников, – сказала Оливия.

– Если спазмы не от стресса – наверно, это ирландское происшествие до сих пор аукается, ну, когда мы там на велосипедах колесили.

– Боже мой, это был такой ужас, – объяснила Оливия Фрэнсису. – Я ехала следом за Люси и краем глаза увидела, как она перелетела через калитку в ограде. Со стороны это выглядело вполне профессиональным кувырком, мне даже показалось, что она сейчас встанет в стойку, как гимнастка, прыгнувшая со снаряда, знаешь, руки вразлет, ступни вместе. Потом я услышала крик, ну и началось – «скорая», рентген, костыли...

– Сочувствую, – сказал Фрэнсис. – Вполне возможно. А как прошла МРТ? Мне никогда не делали томографического обследования.

– Все были очень дружелюбные и жизнерадостные, – сказала Люси. – Одеты так, будто собрались на пробежку, все в спортивных костюмах и кроссовках, хотя на самом деле целыми днями только и делают, что заполняют бланки и нажимают кнопки. А в самом сканере очень покойно и удобно. Для тех, кто работает на Хантера, лежать и ничего не делать – огромное удовольствие. Поэтому я просто закрыла глаза и лежала, как труп.

– Тебя послушать, так это как в спа сходить, – сказала Оливия.

– Ну да, как в спа-салон, только в очень высокотехнологичный, там же еще наушники, такой дробный грохот и писк, похожий на сигнал тревоги, только означает, что надо лежать совершенно неподвижно. Немного погодя сквозь весь этот приглушенный шум я услышала, как медсестра сказала: «А сейчас мы на минуточку вытащим вас из сканера», а потом объяснила, что мне вколют контрастный раствор. Когда он разошелся по телу, с таким холодком, знаете, меня вернули в сканер еще на пятнадцать минут.

– А что, всегда вкалывают контрастный раствор? – спросила Оливия.

– Именно этот вопрос я и задала медсестре-австралийке, которая вытаскивала канюлю из моей вены. «Да, всегда, – ответила медсестра. – Чтобы четче видеть некоторые структуры». – «Какие структуры?» – спросила я. «Ну, всякие там», – ответила она, и я поняла, что от нее толком ничего не добьешься. Она с улыбкой наклеила мне пластырь и сказала: «О'кей, доброго вам вечера». Было уже поздно, они все торопились в свои фитнес-центры или в «Королевскую кладовую», это такой паб на углу площади, названный в честь места, где королева Шарлотта

хранила особые снадобья для короля Георга Третьего, когда его одолевал очередной приступ порфиринового безумия.

Люси явно была очень расстроена. Она говорила быстро, будто ее переполняли впечатления.

– Раз уж упомянули о пабе, то почему бы нам не выпить, – предложила Оливия.

– Я успел изучить винную карту, – сказал Фрэнсис. – Здесь предлагают множество вин по бокалам, на пробу, так что можно напиваться постепенно, под уважительным предлогом получения энологического образования.

– Да-да, – сказала Люси. – Сравниваем и контрастируем. Давайте-ка так и сделаем.

Пока все трое путешествовали по винной карте, из Португалии к Роне, из Австралии в Венето, из Бургундии в Бордо, Люси расслабилась и вроде бы забыла о тяготах минувшего дня, и Оливия тоже расслабилась, сообразив, что Фрэнсис и Люси питают приязнь друг к другу – вполне самостоятельно, а не просто ради Оливии. Как и предвидел Фрэнсис, число бокалов вскоре перевесило объем проб, и наконец все согласились выпить по последней – и домой. Люси решила, что, прежде чем делать такой важный выбор, следует погуглить сравнительные достоинства еще не опробованных калифорнийских и чилийских вин. Она посмотрела на экран телефона, и Фрэнсис с Оливией приготовились выслушать дурацкий набор всевозможных характеристик типа «черносморodinный лист», «седло», «долгие ноты», «сигары», «спелая вишня» – то, что превращает описание вина в загадочную литературу, понять которую можно, лишь выпив вина, не поддающегося ее описанию, но вместо этого увидели, что Люси помрачнела.

– Извините, мне надо срочно ответить на сообщение, – сказала она.

Оливия предположила, что сообщение прислал Хантер, с очередным идиотическим требованием.

– Доктор Хаммонд просит, чтобы завтра с утра я пришла к нему на прием, – объяснила Люси.

– Я пойду с тобой, – немедленно предложила Оливия.

– Спасибо, – вздохнула Люси. – О господи!

– Наверно, дело в тех нервах, которые повредились, когда ты упала с велосипеда, – сказал Фрэнсис.

– Или это структуры, – добавила Люси. – Структуры.

6

В кабинете у врача Оливия обняла Люси за плечи.

– Такое ощущение, что мне в ванну уронили аккумулятор, – сказала Люси. – Я никогда еще не испытывала ничего подобного. На меня просто накатывают волны ужаса. Дайте мне алпразолам, пожалуйста.

– Я бы не советовал, – сказал доктор Хаммонд.

– По-моему, при таком диагнозе первым делом надо прописывать транквилизаторы, – сказала Оливия.

– Ладно, – согласился доктор Хаммонд. – Но не злоупотребляйте.

– Если бы я хотела умереть, то попросила бы у вас бутылку шампанского, – заметила Люси.

Строгая мина доктора Хаммонда не изменилась.

– Я выпишу вам рецепт на четырнадцать таблеток алпразолама, чтобы вы продержались до визита к мистеру Макьюэну, хирургу. И еще препарат под названием леветирацетам, он снимет судороги.

– А когда я смогу встретиться с мистером Макьюэном?

– В начале следующей недели, вместо визита ко мне.

– Господи, я так долго не протяну. Честное слово, я просто не выдержу. Сойду с ума. Извините, но мой мозг – да, я понимаю, что это вскоре радикально изменится, – всегда был моим главным активом, моим единственным активом, так что чем больше у меня знаний, тем лучше. Мой новый начальник завтра прилетает из Америки, и он ни в коем случае не должен узнать, что происходит, а следовательно, мне обязательно нужно знать, что со мной происходит, даже если для этого придется подкрепляться алпразоламом... Кстати, вы не дадите мне таблетку прямо сейчас?

– За алпразоламом вам придется сходить в аптеку, – сказал доктор Хаммонд.

– А можно Фрэнсису сходить в аптеку? – спросила Оливия. – Это мой бойфренд, – объяснила она доктору Хаммонду. – Он ждет нас в приемной.

– Да, конечно. – Доктор Хаммонд протянул ей рецепт. – Я поговорю с мистером Макьюэном, может, он примет вас пораньше.

В этих странных обстоятельствах Фрэнсис старался вести себя как можно непринужденнее, уставившись куда-то посередине между грудой помятых журналов и теленовостями с бегущей строкой и выключенным звуком. Оливия не стала ему ничего объяснять, за что он полюбил ее еще больше, а просто вручила ему рецепт, но при этом выглядела расстроенной, что говорило о серьезности диагноза.

Фрэнсис вышел в бледное сияние утра. Угасающая листва в садах и флуоресцентные машины «скорой помощи», припаркованные у площади, с разной степенью назойливости намекали на смерть. Медработники спешили на службу, а неврологические пациенты разнообразными походками направлялись к центральному корпусу больницы. В садике на скамейке какой-то человек пытался укунить круассан, но по большей части проносил его мимо рта, так что следы бесплодных попыток обильно усыпали пальто. Фрэнсис попробовал мысленно внушить ему силу и спокойствие, но тут же ощутил, что ему самому их не хватает.

Когда они втроем вышли из ресторана, то понимали, что известия дурные, хотя и надеялись на лучшее. Оливия пригласила Люси погостить в Белсайз-Парке, в бывшей спальне Чарли, которую Люси хорошо помнила со студенческих лет.

– Она совсем не изменилась, – сказала Оливия. – Ты же знаешь, мои родители равнодушны к домашним интерьерам и предпочитают обустраивать интерьеры психические.

– Господи, кто бы мне психику обустроил, – вздохнула Люси, выключив переговорное устройство в такси.

Они приехали домой к Каррам, где располагались также и консультационные кабинеты родителей Оливии: Мартин принимал пациентов в цокольном этаже, выходящем в сад, а Лиззи – на верхнем этаже. Оливия оставила Фрэнсиса у себя в спальне и спустилась в гостиную, чтобы поговорить с Люси наедине. Глядя на роскошную обстановку, в которой выросла его новая подруга, Фрэнсис задумался, как назвала бы Оливия его домик, Ивовый коттедж, – «миленький» или «уютный». Ее прочные семейные отношения, родители, до сих пор пребывавшие в счастливом браке, странно противоречили тревожащей истории ее удочерения, которую Оливия рассказала в выходные. Как выяснилось, биологический отец Оливии, Генри, пригрозил, что убьет Карен, если та сделает аборт. Он назвал это «Господней справедливостью». Когда оказалось, что Карен беременна двойней, Генри не стал возражать, чтобы Оливию удочерили, но ее брат-близнец, Кит, остался с родителями. На снимке, замеченном Оливией на книжной полке, Карен держала на руках Кита. Было ли удочерение трещиной в фундаменте воспитания, полученного Оливией в этом внушительном особняке, где Фрэнсис сидел сейчас на краешке ее кровати, или оно не оказало на нее никакого влияния, поскольку практически не являлось жизненным опытом? Она уже много лет сражалась с генетическим фундаментализмом и полагала, что к победе ее приведут «мышь, стабильно демонстрирующие страх», о которых она тоже рассказала Фрэнсису в прошлые выходные. Однако же, если мышь унаследовали эти характеристики не в результате стандартной модели генетической трансмиссии и не каким-нибудь иным путем, то, возможно, Оливия, освободившись от одной версии прошлого, теперь ратовала за другую, неочевидную трансмиссию межпоколенческой травмы. С виду она была цельной личностью, но мало ли что всплывет, когда у нее появится ребенок.

На следующее утро они пошли с Люси на прием к доктору Хаммонду. Фрэнсису было неловко идти вместе с ними, но Оливия полагалась на его поддержку в той же степени, в какой Люси полагалась на поддержку Оливии.

– Имя пациента? – с подозрением осведомился аптекарь, поскольку рецепт был выдан на популярный транквилизатор, предмет зависти многих.

– Люси Расселл. Она сейчас на приеме у доктора Хаммонда, в больнице через дорогу. Меня попросили сходить за лекарствами для нее.

– А вы кто?

– Знакомый, – сказал Фрэнсис.

– Знакомый, – повторил аптекарь, будто это было названием известной террористической организации.

– Послушайте, ей только что сообщили ужасный диагноз, – нетерпеливо сказал Фрэнсис. – Дайте мне, пожалуйста, эти чертовы таблетки!

Он тут же пожалел, что заговорил таким раздраженным тоном, и запоздало сообразил, что ситуация выбила его из привычной колеи.

Аптекарь указал на табличку с надписью: «Не срывайте зло на сотрудниках аптеки».

– Извините, – пробормотал Фрэнсис. – Я пытался сорвать зло на неприятном известии, а не на вас. Вы просто проявляете должную бдительность.

Он хотел сказать «абсурдную педантичность», но вовремя сдержался. Разумеется, аптекарь не знал, до какой степени Фрэнсис не завидовал ни тому, что Люси прописали алпразолам, ни тем более причине, по которой ей прописали это лекарство. Обиженный аптекарь неторопливо ушел в подсобку, провел там довольно много времени и вернулся с полупустой коробочкой алпразолама и тремя упаковками леветицефетама.

– Спасибо. – Фрэнсис взял бело-голубой бумажный пакет и отправился в приемную доктора Хаммонда.

По дороге Фрэнсис заметил фиговое дерево, ветви которого свешивались за ограду садового скверика, и перешел дорогу, чтобы рассмотреть его получше. Это был его тридцать второй привал на пути к страхам Люси. По примеру аптекаря Фрэнсис не спешил, но хотел принести в приемную врача хоть немного осенней спелости дерева, которое не просто вбирает питательные вещества из листвы, но и передает их своим плодам. Он протянул руку и коснулся фигового листа, похожего на раскрытую ладонь, тянущуюся к воздуху и свету. Фрэнсис провел пальцами по жилкам на нижней стороне листа и на миг представил конкретную нишу, занимаемую фиговым деревом. Мясистые узелки, которые обычно считают плодами, на самом деле содержали сокровенные цветы и сокровенный семяплод дерева; Фрэнсис ощутил раскрывающееся богатство растения, его запасы сладости и плодовитости. А еще он ощутил неодолимую тягу вернуться в Хоурт. Хотя он и был заморожен Оливией, скорость происходящего ошеломляла, так что следовало все обдумать в одиночестве. Он познакомился с Люси всего сорок часов назад, а уже побывал с ней на приеме у врача и выслушал жуткий диагноз, что внесло угрожающую близость иного рода в его нескончаемый уик-энд с Оливией.

Он вернулся в приемную и робко постучал в дверь кабинета доктора Хаммонда.

– Вот лекарства, – сказал он Оливии.

– Спасибо, – ответила она. – Нужна консультация еще одного специалиста. Хаммонд пошел договариваться.

– Тогда я, пожалуй, прогуляюсь.

– Извини, – сказала Оливия. – Наверное, ты хочешь вернуться в Хоурт. У тебя так много дел.

– Нет-нет, я останусь. Отправь мне эсэмэску, как закончите. Я буду поблизости.

Оливия отдала Люси пакет с лекарствами и подошла к раковине налить воды. Какое жуткое и ошеломительное утро. Как только они пришли к доктору Хаммонду, Люси не стала тратить время на пустую болтовню; она села и, явно волнуясь, произнесла нервно, почти озлобленно:

– Прошу вас, скажите, что происходит. Я всю ночь не спала.

– Что ж, – начал доктор Хаммонд медленно и четко, хорошо сознавая, какой эффект произведут его слова. – К сожалению, ничего хорошего я вам сказать не могу. Томограмма показала, что в левом полушарии вашего мозга возникла опухоль, которая влияет на правую сторону вашего тела. Ваши судороги – это так называемые фокальные моторные приступы. Я понимаю, для вас это большое потрясение, поэтому постарайтесь уяснить, что именно имеется в виду.

– Да-да, – кивнула Люси и дословно повторила услышанное. – Опухоль злокачественная?

– Да. По-моему, это опухоль низкой степени злокачественности, поэтому после биопсии мы с вами обсудим, следует ли прибегнуть к лучевой и химиотерапии.

– А возможна ли операция? – спросила Оливия, видя, что Люси с трудом воспринимает ужасные новости.

– Это решит Макьюэн, – ответил доктор Хаммонд. – Вы вся дрожите. Вам холодно? Давайте я включу отопление.

– Спасибо, не надо. – Помолчав, Люси добавила: – Значит, я умру молодой?

– Вполне возможно, что это сократит отпущенный вам срок.

– Охренеть, – пробормотала Люси.

И после этого попросила алпразолам.

Оливия дала Люси воды в хрупком пластмассовом стаканчике, который проминался при легчайшем прикосновении.

– Почему у меня? – сказала Люси, проглотив две таблетки леветирацитама и алпразолам. – А почему бы и не у меня? Оба эти вопроса бессмысленны, и вместе, и по отдельности.

У кого-то должна быть опухоль головного мозга, иначе их бы не было. И шок, оттого что это касается непосредственно тебя.

Люси выстраивала мысленную защиту против своей опухоли, будто собирала какую-то решаемую головоломку.

– Как будто тебя изнасиловали в коме, а узнаешь об этом только потом, из записей на камерах наблюдения, – продолжила она. – Опухоль у меня в мозге, но я о ней не знала. А сейчас мой мозг о ней знает? Поймите меня правильно, хотя я и ставлю под сомнение отношения между моим мозгом и моим разумом, я не собираюсь с ними разводиться.

В кабинет вошел доктор Хаммонд, коротко, серьезно улыбнулся:

– Я побеседовал с мистером Макьюэном, он вас примет немедленно, как только закончит консультацию. У вас есть ко мне еще вопросы?

– Если бы такой диагноз поставили вам и у вас были неограниченные средства, что бы вы сделали? – спросила Люси.

– Я бы лег на операцию в нашу клинику. Мистер Макьюэн – лучший хирург в своей области. Я и сам был бы рад попасть к нему, и всем своим родным рекомендовал бы то же самое.

– Спасибо. – Люси встала и пожала руку доктору Хаммонду.

Подруги предупредили администратора в приемной и вышли прогуляться. Они молча расхаживали по тротуару, до тех пор пока не увидели пациента с головой, перебинтованной так плотно, что оставалась лишь щель для глаз. На нем был распахнутый больничный халат, из-под которого виднелись футболка, трусы и высокие гольфы для улучшения кровообращения. Пациенту было лет за тридцать, но он едва переставлял напряженные, негнущиеся ноги.

– Вот бедняга, – вздохнула Люси и направилась в приемную.

– Не волнуйся, мы не выпустим тебя из больницы в таком виде, – сказала Оливия.

– Обещаешь?

– Обещаю.

– Главное, халат мне застегните.

– Застежем, не бойся, – улыбнулась Оливия.

Едва они уселись на черные диванчики на стальных рамах, как из двери кабинета выглянул мужчина в голубом медицинском костюме и назвал имя Люси.

Мистер Макьюэн провел их к себе в кабинет. Хирургу с короткой стрижкой-ежиком и глазами под цвет медкостюма было лет за пятьдесят. Он сел за письменный стол и повернул компьютерный экран к Люси и Оливии.

– Вот результаты вашей томографии.

Он раскрыл директорию с черно-белыми снимками опухоли под разными углами и какое-то время рассматривал их, будто чудеса техники так его зачаровали, что он забыл о присутствующих. На каждом снимке виднелось большое белое пятно у самой макушки. Наконец Макьюэн повернул кресло к Люси с видом человека, которого оторвали от интересной книги, чтобы он дал какую-то никчемную справку.

– Вот я смотрю на вас и гадаю, почему вы так хорошо выглядите и находитесь в такой прекрасной форме? Почему ваши физические симптомы проявляются слабо?

– Даже не знаю, что вам сказать, – ответила Люси. – Вы одновременно делаете мне комплимент и объявляете смертный приговор: почему я так хорошо выгляжу, когда на самом деле мои дела так плохи. Вы это имеете в виду?

– Граница опухоли очень четкая, – сказал Макьюэн. – Если бы это была глиобластома, то она затронула бы и другие участки мозга, и тогда симптомы были бы выражены сильнее. Но без биопсии сказать трудно. И вот, видите васкуляризацию здесь, в центре? – Кончиком авторучки он указал на два крошечных пятнышка, выделявшихся на фоне остальной опухоли. – Боюсь, как бы степень злокачественности не оказалась выше.

– А как проводится биопсия? – поинтересовалась Оливия, видя, что Люси с трудом сдерживает слезы и не может говорить.

– Мы просверлим в черепе небольшое отверстие и с помощью компьютера направим в него иглу, чтобы собрать образцы тканей, которые потом отошлем на анализ.

– А можно сделать это под местным наркозом? – спросила Люси. – Я очень боюсь не проснуться, поэтому хотелось бы обойтись без общего наркоза.

– Да, конечно, – ответил мистер Макьюэн. – Мы часто делаем операции под местным наркозом, но при этом существует определенный риск, поэтому советую вам хорошенько все взвесить, прежде чем принимать решение. Смертельный исход наступает лишь в одном проценте случаев, но есть шанс кровоизлияния в мозг и последующего инсульта. В таком случае вам грозит паралич правой стороны тела. Такое нечасто, но случается.

– О господи, – выдохнула Люси.

– Вдобавок снимки не очень четкие, – продолжил Макьюэн. – Виден только очаг поражения фронтопариетального участка парацентральной дольки большого мозга. Необходимо сделать функциональную МРТ, чтобы понять, какая нервная ткань окружает опухоль или находится в ней. Надеюсь, что при отборе образцов на анализ мы не затронем основных функциональных зон мозга, но существует риск повреждения здоровой ткани, что может вызвать некоторые функциональные поражения, в зависимости от того, какой подход мы выберем.

– Понятно. – Люси закрыла глаза.

– А нельзя ли просто вести мониторинг опухоли? – спросила Оливия.

– Можно, – кивнул Макьюэн, – но хотелось бы подчеркнуть, что если это высокозлокачественная опухоль, то необходимо знать об этом как можно раньше, чтобы принять меры для продления жизни Люси.

– Для продления моей жизни, – прошептала Люси.

– После фМРТ мы с коллегами проведем консилиум. Раз в неделю около шестидесяти наших лучших врачей и научных сотрудников обсуждают новых пациентов, обратившихся к нам в больницу на Квин-сквер. Полагаю, что все они порекомендуют провести биопсию, потому что без этого невозможно предложить вам соответствующий метод лечения.

– В таком случае у меня нет выбора.

– Вас никто не принуждает. Решение принимаете вы, и только вы.

– Предположим, я соглашусь. Что дальше?

– Мой секретарь запишет вас на фМРТ на следующей неделе. А я направлю вас к одному из коллег в неврологическом отделении для проведения когнитивной оценки. Так что операцию можно будет сделать недели через две.

– Что ж, так и поступим. – Люси встала. – Спасибо, что согласились нас принять, – добавила она, пожимая руку Макьюэну.

7

Хантер вымотался до предела даже по своим невероятным меркам. Он сделал остановку в Нью-Йорке, где снова встретился с Солом, а потом оба разъехались каждый по своим делам: Хантер отправился в Англию ознакомиться с предложениями Люси, а Сол рванул к какому-то французу, предлагавшему свое изобретение – защитный костюм из бронекерамики, намного дешевле и лучше тех, которые разрабатывали в Управлении перспективных исследовательских проектов Министерства обороны США и в министерствах обороны европейских стран. Прежде чем оба пересеклись в Италии для обсуждения дальнейших проектов, Сол успел сгонять в Эдинбург на встречу с Джоном Макдональдом, одним из ведущих специалистов по неорганической жизни.

Апартаменты Хантера занимали два верхних этажа в неожиданно изолированном небоскребе, воткнутом, как кол в сердце, в самый центр Манхэттена, ниже высоток Верхнего Ист-Сайда, но выше высоток финансового квартала. Сол, как только явился, сделал несколько тонких намеков на усталость после поездки в Калифорнию и на предстоящие утомительные встречи в Нью-Йорке, надеясь, что ему, как обычно, предложат пару дорожек кокаина, но вместо этого Хантер поинтересовался, пробовал ли тот фрибейзинг, и тут же раскрыл красный кожаный кейс, в котором на алом бархате покоились две стеклянные трубки и небольшая паяльная лампа.

– Ух ты! – сказал Сол. – Пожалуй, к такому я пока не готов. Говорят, что к нему моментально привыкаешь.

– Это к власти привыкаешь моментально, – сказал Хантер. – Если она у тебя есть, то фрибейзинг – просто дуракаваляние; если ее у тебя нет, то привыкай хоть к черствым пончикам, хоть к резиновому белью.

– Или к фрибейзингу, – сказал Сол.

– Да, конечно, – сказал Хантер. – Но после того как мы сегодня раскурим трубочку, я пару месяцев даже не взгляну в ее сторону, а сейчас у нас мозговой штурм, Сол.

– Ну, раз ты у нас эксперт, – сказал Сол, не желая открыто противоречить своему настойчивому хозяину. – Хотя Ричард Фейнман однажды сказал, что наука – вера в невежество экспертов⁶, – не удержавшись, добавил он.

– В таком случае Дональд Трамп – величайший ум планеты, – сказал Хантер.

– По-моему, он имел в виду тех, кто продвигает знания к какому-то пределу, а не тех, кто отрицает любые знания, – сказал Сол.

Хантер вложил в трубку крохотный комочек густой вязкой массы.

– Ну ладно, и я с тобой за компанию, – сказал Сол.

Осторожно вдохнув самую малость дыма, собравшегося в стеклянном черенке трубки, Сол тем не менее ощутил необычайный подъем духа и готовность связать воедино нити множества разговоров, которые они с Хантером вели за год знакомства. Усталость превратилась в иллюзию, и Солу уже не верилось в свое недавнее утомление, потому что теперь все вокруг словно бы излучало яркое сияние. Хантер жадно втянул в себя дым и пристально уставился куда-то перед собой, возможно на фрэнсис-бэконовский мазок искореженного человеческого страдания, висевший над камином черного мрамора, а возможно, в бесконечное пространство рассредоточенного взгляда, Сол не знал, куда именно, но не намеревался упустить нахлынувшую на него волну ясности.

– По-моему, весь прошлый год я пытался донести до тебя, что если бы наука предлагала единое видение мира, то оно было бы пирамидой, образованной сознанием на вершине, объ-

⁶ Ричард Фейнман. Радость познания (перев. Т. Ломоносовой).

яснимо возносящимся из биологии, жизнью, плавно вздымающейся из химии, и Периодической таблицей, во всем ее многообразии, безусловно возникающей из фундаментальных сил и структур, описанных физикой, но в действительности даже физика не едина, не говоря уже о том, что она не едина с остальной наукой. Это не пирамида, а архипелаг – разобщенные острова знания, причем между некоторыми кое-где проложены мосты, а остальные сравнительно изолированы друг от друга.

Хантер выпустил длинную тонкую струйку дыма.

– Нам надо поддерживать строителей мостов, – продолжил Сол, – таких, как Энрико, который собирается просканировать блаженного фра Доменико в Ассизи, чтобы мы могли охватить католический рынок нашим шлемом «Святая глава»...

– Нет, я хочу поддерживать долбанных строителей пирамиды, – оборвал его Хантер.

– А я тебе говорю, что их не будет, – возразил Сол, – потому что есть вещи, которые нельзя свести друг к другу или построить друг на друге. Никакие открытия ЦЕРНа не прольют свет на монументальный труд Эдварда Уилсона о жизни муравейника, и наоборот.

Хантер вручил Солу вторую трубку, разжег ее и посоветовал:

– Не выдыхай сразу, удержи внутри.

На этот раз Сол до отказа втянул дым в легкие. С макушки по всему телу распространилось легкое щекочущее покалывание, будто забил фонтан электричества, но это было лишь вступлением к всеобъемлющему чувства благоденствия и властности. Сол откинулся в кресле, выдохнул и закрыл глаза. Он вступил на неизведанную землю. Прежде он и не догадывался, как силен и велик его разум. Мысли, словно бурная река на Аляске в весеннее половодье, разливались могучим потоком, но не мутной воды, а ртути, сверкающим зеркалом отражавшей небо, деревья и облака и наделенной пронизательным сознанием, способным все это определить. Капли-разведчики, разбрызганные по берегам ртутной реки, расшифровывали атомную структуру камней и, сливаясь в единую струю, возвращали это знание в величественный поток. Если собрать пятьдесят крупнейших научных умов и дать им ощутить то, что сейчас ощущал Сол, то, объединившись в суперразум, они смогли бы построить пирамиду, чтобы все знания человечества вознеслись над пустыней геометрически совершенным монументом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.